

Предновогодние сказки

или

зимние сказки

на каждый вечер декабря

от автора

Вот и декабрь стучит в двери! Году конец – зиме начало. Ждёт ребятня снега, будут кататься с горок, лепить снеговиков и строить снежные крепости. Радости-то сколько! А потом румяные с громким хохотом валятся гурьбой в дом, снимут шубки-куртки, шарфы-шапки, сапоги-валенки и скорее на кухню чай или какао пить, кому что нравится. Наедятся маминых котлет с гречневой кашей, и примолкнут. А вечер зимний долог, тягуч, усядутся дети на диван и попросят книжку почитать, ведь с доброй сказкой на душе уютнее и теплее. Как раз для такого случая я и написала я эту книжку: тридцать одну сказочку на каждый декабрьский вечер, чтобы скрасить ожидание самого волшебного праздника в году.

Итак начнём. Слышали ли вы сказку про Тимошку Заморожка? Тогда присаживайтесь поудобнее и слушайте.

1 декабря

Тимошка Заморожка

В деревеньке Студенцы что на крайнем севере, жили-были морозы большие и маленькие, сильные и слабенькие. А на самой окраине в ледяной избушке с покатой крышей жил-поживал Тимошка Заморожка крошечный морозик. Бывало, утром уходят родители на работу, а Тимошка на босы ноги валенки натянет, шубку накинёт, шапку ушанку на голову, шарф повязать не забудет и бежит по улице за ними. «Куда же ты?» – спрашивала матушка Зимушка, поправляя съехавшую набекрень шапку Тимошки. «Как куда? На работу я!» – отвечал морозик, подтирая курносый носик рукавом. «Ох, погляди на сына, батюшка Мороз, на работу собрался! Мал ты ещё, Тимошка. Ты и до школы-то

не дорос. Подожди немного, годик другой, и возьмут тебя учиться ледяным наукам, а закончишь школу, тогда и на работу можно!» – тихим ласковым голосом утешала матушка. «А точно возьмут?» – сомневается Тимошка. «Точно!» – уверяли родители. «А теперь бегом домой, кровать заправь, кошку покорми, игрушки прибери, полы подмети, а там глядишь, братья с сестрами с занятием придут.»

По соседству с Тимошкой Заморожкой жила одинокая старушка Хохотушка. Пышная, мягкая как свежий сугроб, седые волосы искрились-серебрились, глаза серые лучистые, молодые совсем. Но больше всего Тимошке нравился её смех. Иной раз, нарочно старушку рассмешит, а как старушка захохочет, так и шалун падает в сугроб со смеху и валяется, ножками дрыгает. Вот Тимошка родных проводил, скучно в пустой дом возвращаться. Дай-ка, думает в окошко к соседке загляну. Что же Хохотушка делает? Спрошу, вдруг помощь какая нужна? Запрыгнул на лавку перед домиком, поскреб рукавицей лёд на стекле, получилось два кружочка, в аккурат на каждый глаз. Нос к оконцу прижал, подглядывает. Старушка Хохотушка что-то кропотливо вязала, сидя у окошка, щурясь, чтобы попасть спицей в нужную петельку!

«Доброе утречко, бабушка Хохотушка! Как Ваше здоровьишко? Водицы из проруби принести не надобно? Я махом!» – прокричал Тимошка Заморожка.

«Ох, Тимошка! Озорник! Напугал ты меня» – и давай хохотать, а от смеха спицы сами запрыгали, завязали.

«Ух, ты! Чудеса!» – удивился Тимошка.

«Да, разве это чудеса? Спасибо, сынок, нужна помощь. Принеси, пожалуйста, студеной водицы из проруби, и в гости заходи. Я тебя настоящим чудесам научу!» – ласково проворковала бабушка.

Обрадовался Тимошка Заморожка, второпях соскочил с лавки, ненароком поскользнулся, полетел кубарем и покатился по свежему снегу, приминая дорожку к самому крылечку. Ай да удалец. Дверь старая, дубовая, на скрипучих ржавых петлях-жиковинах приветливо заскрипела, распахнулась. На пороге старушка Хохотушка Тимошке ведёрко протянула. «Смотри,» – наставляла бабушка, – «ни капли не пролей!» И лукаво улыбку показала. Тимошка Заморожка закивал головой с усердием, даже шапка на глаза сползла. Обрадовался Тимошка, что чудесам его научат, побежал к реке со всех ног. Громко захрустел снег под валенками. Хруп-хруп, хруп-хруп-хруп. Щеки от холода

зарумянились, пар изо рта белым облачком вылетает. Вот и берег виднеется. Прибежал морозик, а прорубь за ночь от холода замерзла. Эх! Поставил Тимошка ведёрко и домой – за топором. Заскочил в мастерскую батюшки: топор отца огромный, тяжелый, ни за что мальчугану не поднять. Смотрит, рядом топор старшего брата лежит, поменьше, да всё же и он велик и тяжёл. Пригорюнился было Тимошка, опечалился, вот-вот слёзы брызнут. Да вдруг заметил, под печкой крохотное топориче виднеется. Потянул и точно!

Маленький топорик, как раз для Тимошки. Заплясал морозик от радости, запрыгал: вырубит он прорубь, принесёт старушке водицы, научит она его чудесам разным. И скорей вон из мастерской, помчался что есть мочи прорубь рубить. А на льду давай лезвием по кругу стучать, то носком, то каблуком, то середочкой. Хлюп. Всплыл ледяной кружок. Потянул лёд Тимошка, а тут топор из руки выскользнул, бульк, на дно и пошёл. Расстроился Тимошка, да делать нечего. Вдруг смотрит, а ведёрка-то тоже нет. Ой-ой-ой. Запричитал Тимошка. А ведёрко-то кованное, красно-медное, таких в Студенцах больше нет. Ай-ай-ай. Что Тимошке Заморожке делать-то теперь? Вышел из-за засыпанных снегом кустов, старичок. Полушубок на нём овчинный, шапка лисья, ростом низенький, бородёнка седая до колен, а в руках ведёрко Хохотушки несёт.

– Эй, дедушка! Ты почто без спросу моё ведёрко взял? – возмутился Тимошка.

– Кхе-кхе! Здравствуй, милый человек. А кто это тут невежа такой? Здраваться ли не учили?

– Учили-то, учили! Здравствуй, дедушка. Тимошка Заморожка я, Морозов сын. Рад тебя видеть. А ну, ведёрко отдавай!

– А я старичок Домовичок! Ох-ох, что ж ты, Морозов сын, не вежливо просишь?

– Пожалуйста, старче, верни ведёрко, не моё оно. Старушке Хохотушке помочь хотел, водицы с проруби принести. – повинился Тимошка.

– Вот то-то же, держи своё ведёрко. Только скажи, зачем ты мой топорик взял, да и в проруби его утопил?

– Ох, прости меня старичок Домовичок, не знал, я что это твой топорик.

– Хорошо, простить-то, я тебя уже простил. Придётся делать новый, да и тебе в подарок топорик сделаю, только и ты просьбу мою исполни.

– Ох, спасибо! Проси, конечно, что смогу сделаю, – заинтересовался морозик.

– Каждый день пятничный, когда все на работу отправятся, приходи ко мне в мастерскую, три раза по печи постучи, тут я объявлюсь. Резьбе учить тебя буду. Старый я стал, учеников у меня нет. А ты, я погляжу шустрый малец, у тебя получится.

– Дóбро, страче! Дóбро! Обязательно приду. Усердно учиться буду, – в ноги Тимошка старичку поклонился, а сам рад-радёхонек.

Улыбнулся старичок Домовичок, протянул мальчику ведёрко, и растаял, будто не было его вовсе. А Тимошка, зачерпнув студёной водицы, понёс ведёрко в дом старушки Хохотушки. Ветер посвистывал, погоняя поземку. Морозик аккуратно ступал, боясь воду разлить. Замер морозик, услышав зов. Тоненький голосок затынул: «Ох, Тимошка Заморожка, вылей водицы, тяжело нести!» Испугался юнец, чуть ведёрко-то не выронил, только хорошо помнил наказ старушки Хохотушки ни единой капли не пролить. «Это что же, ты говорящее ведро?» – не поверил Тимошка. «Меня из меди ковали, ковали, да напевали: наполнишь ведёрко водой, так и заговорит оно с тобой.» Потянул ведро Тимошка, а оно будто тяжелее стало. «Ох, Тимошка Заморожка, голубчик ты мой яхонтовый. Дно того гляди треснет, ручка отвалится, выплесни хоть каплю.» Задумался Тимошка, что за хитрость такая: тяжело нести ему, а стонет ведёрко? Только старушка Хохотушка наказывала, принести ни капли не расплескав, а то чудо не выйдет. Ничего не ответил Тимошка. Тогда ведёрко песенку запело развеселую:

*«Эх, Тимошка Заморожка,
Топни ножкой, топни ножкой!
Махни ручкой, удалец!
Ух, Тимошка Заморожка,
Поиграй-ка на гармошке,
На гармошке, хоть немножко,
Пусть в пляс же, наконец!»*

Еле-еле шёл Тимошка, с трудом ноги переставлял, того гляди спотыкнётся, так уж плясать ему захотелось. Но помнит обещание, а чуду научиться ему хочется. Идёт осторожно, боится воду расплескать. Вот уже и избушка старушки показалась, Хохотушка на крыльце Тимошку поджидала.

«Ох, заждалась тебя, Тимошка. Думала, может беда приключилась? Гляди-ка, вот молодец, донес! Ни капли не расплескал! Заходи, родной. Чаем с пирожками угощайся, а я тебе пока про ведёрко это волшебное расскажу»

2 декабря

Тимофей Мерзляк

– В стародавние времена это было, когда мой прадед Колотун Морозович лихим молодцом был. Славился он на всю округу кузнечным мастерством. И был у него подмастерье – ох, запомновала, вроде же Тимофеем и звали, – начала свой рассказ Старушка Хохотушка.

«Тёзка что ли мой?» – Тимошка Заморожка пьёт чай, то и дело из самовара воду в стакан подливает. Глазки-пуговицы так и светятся от любопытства.

– Выходит, тёзка. Никто из морозов в Студенцах не знал ни родителей Тимофея, ни как он в наши северные края попал. Поговаривали, что и не мороз он вовсе, мёрз шибко. Так его и прозвали Тимофей Мерзляк. Колотун Морозович его младенцем в лесу нашёл, в свой дом принёс. Мерзляк по началу болел долго. Но моя прабабка Холодина Степановна его выходила. А когда очнулся Тимофей, все и узнали, что немой паренёк-то. Толи от холода охрип до немоты, толи с рождения. Ловкий Тимофейка был, так и повадился на кузницу бегать, а скоро и помогать Колотуну начал. До чего затейливые узоры ковал на решётки, двери, ручки-стукалы, жиковины с насечным орнаментом, светцы будто цветы живые. Великий мастер. Вот как-то прохудилось у Холодины Степановны деревянное ведро, так Тимофей за ночь ведёрко из меди сковал. Мол медь чудотворная, вода в ней не застоится, и в жаркий день прохладу держит, и от болезней, говорят, уберегает. Вот это самое ведёрко, значит. Пошёл Тимофей к колодцу за водой, набрал до краёв, и вдруг ведёрко заговорило. «Ох, и славное ведёрко вышло! Глядишь, матушку порадую!» Тимофейка от испуга выронил ведро из рук, разлилась вода, замолчало ведёрко. Набрал сызнава воды до самых краёв, и чуду дивится. Оказалось-то, ведёрко говорящее. Да не просто говорит, а мысли человека вслух произносит. О как!

– Вот те раз! Да возможно ли? – не поверил Тимошка, вспоминая, как ведро его уговаривало воду вылить.

– Так оно и было. Тимофейку с помощью ведёрка услышали. Ох, сколько кузнец песен знал, и ведро пело да пело без умолку. Прадеду как надоест слушать, воды из ведёрка отхлебнёт, оно и замолкнет, – залилась звонким смехом Хохотушка, каждая морщинка на её лице засветилась. Насмеявшись в сласть, продолжила.

– Жил в те времена, князь земель северных Трескун Студенцов. И был у него сынишка Хлад. Прознал он про поющее ведёрко, и так ему захотелось игрушку в забаву себе занять. Сбежал из усадьбы от всех учителей и нянечек Хлад и напрямиком – в кузницу.

– Тимофей Колотунович, Тимофей Колотунович. Покажите мне, пожалуйста, ведёрко волшебное. – умолял барчонок.

– Не велено в кузнице мальчикам сновать. Опасно! В печи пламя ледяное. Обожди в сенях, у нас перерыв скоро, Тимофейка тебе всё и покажет, – строго приказал Колотун Морозович.

– Дяденька миленький, я на силу из дому убег, скоро меня спохватятся, искать начнут. Мне бы скоренько посмотреть на чудо дивное, хоть одним глазком. Пожалуйста, – умолял княжий сын.

– Хорошо, будь, по-твоему. Только впредь отцовское разрешение спрашивай. – смягчился Колотун Морозович, и кивнул помощнику.

Тимофей, прихватив ведёрко, пританцовывая, вышел из кузницы. Пошли они с Хладом на реку, всю дорогу мальчик Тимофея упрашивал: «Продай да продай ведёрко!». А кузнец только головой качал. Зачерпнул водицы студёной до краёв Тимофей, оно и заговорило. «Не сердчай, княже. Только не могу тебе ни за серебро, ни за золото ведёрко отдать. Я уже десяток новых сковал, да только они молчат все. А это для матушки старался, всю любовь вложил, получилось особенное. Все мысли человека, что его наполнил, говорит. Вот только так я и могу с морозами разговаривать, только так меня немного и понимают.» «А вот ежели человек говорит на другом языке, тогда что?» – донимал Хлад. «Почём же мне знать?» «А если зверь его наберет?» – не унимался барчонок. «Да, где это видано, чтоб звери могли ведра наполнять?» – Засмеялся Тимофейка, забурлила вода. «И то, правда,» – согласился князь. «Эх, значит не поможет

мне твоё чудо!» – повесил голову Хлад. «А что у тебя стряслось?» – Тимофей сочувственно посмотрел на мальчика. «Никому не расскажешь?» – оглянулся вокруг Хлад. А Тимофей, тут же всю воду из ведра вылил, и замычал. «Привёз в прошлом январе крестный мой из Европы фрукты. Сладкие. Вкусные. Мандаринами называются – китайские яблоки. Кожура рыжая, как огонь. Мы с матушкой угостились, а несколько в фольгу закрутили и на елку повесили. В праздник ещё несколько фруктов отведали, да два я оставил. Спрятал в коробке с елочными игрушками и забыл. А в этом году достали коробку, а из неё выскочили два крохотных человечка. Очень на те фрукты похожие. Сами круглые, кожа желто-оранжевая, глаза раскосые, то бегут, то катятся. На силу их словил. Днём исчезают, а под вечер, я их под елкой всегда нахожу. Так вот, говорят они тихо, да и много не по-нашему совсем. Думал, может твоё чудо-ведёрко поможет мне у них разузнать побольше.» Тимофейка только плечами пожал.

– Хлад Трескунович! Вот Вы где! И как же Вам не совестно, из дому сбегать? – прибежали к реке няньки, бабки и учителя заморские. Широкими шагами да по сугробам скачут к княжескому сыну без шапок, без платков, шубы на распашку.

– Бывай, Тимофей Колотунович. – попрощался Хлад и пошёл под галдящим конвоем в родовую усадьбу.

Брешет - не брешет княжий сын, а до ужаса любопытно кузнецу. Запала в душу необычная история Хлада. По ночам во сне снилось, как крохотные круглые человечки угостили Тимофея фруктами огненного цвета. Днями думал-гадал, какие же они на вкус, да и где бы ему раздобыть мандарины.

Много ли мало ли времени прошло, вызвал Тимофейку сам князь Студенцов, и говорит: «Ходят слухи по всем землям северным, будто ты кузнец умелый. Смастери-ка мне, друг любезный, бричку. Да такую, что и к двору самого царя не стыдно было явиться. За мной дело не постоит, отблагодарю щедро.» Поклонился Тимофейка князю в ноги. Мычит на ведёрко медное пальцем тычет. Затем наполнил ведёрко водой, оно и заговорило: «Отчего же, князь, за работу не взяться? Будет тебе царская карета. Может книги, чертежи у тебя имеются? Я б взглянул на них, инженерной идеей вдохновиться. И очень уж мне интересно зачем тебе бричка на колёсах, когда на санях быстрее?»

«Так в том то и дело, что бричка нужна по южным землям колесить, где снега мало бывает!» – ответил Трескун Студенцов, поглядывая то на кузнеца, то на ведёрко.

«Ясно! А в награду за свой труд попрошу один безмен фруктов заморских – рыжих ароматных яблок китайских.»

Подивился князь: «Ишь, кузнец, откуда это ты про мандарины знаешь? Фрукт это редкий, диковинный! Договорились, будут тебе заморские фрукты». Распорядился князь, чтобы Тимошке всё, что надо для постройки кареты выдали, и уехал в столицу по неотложному делу.

3 декабря
Хлад Студенцов

Далеко на Севере, где кончаются леса, и начинается бескрайняя снежная пустыня располагалась деревенька. Жили в ней морозы большие и маленькие, лютые и слабенькие. А в усадьбе фамильной дух холода – князь Трескун Студенцов. Была у него жена красавица – Стужа Студёновна, дочь – девица на выданье Снегурочка Трескуновна. И сынок меньшой Хлад Трескунович, ох уж озорной морозик. Сладу с ним не было. Десять нянек, десять учителей заморских к нему представлено грамоте учить и наукам разным, а он? Шмыг в окно и был таков – с деревенской ребятнёй на коньках и санках кататься.

Случилась эта история в канун Нового года. Хлад увлечённо читал, развалившись на взбитых перинах в верхних одеждах, пока маменька не видит. Вдруг раздался стук, княжий сын книгу отложил и бросился вниз по винтовой лестнице, не утерпев, запрыгнул на перила и в миг съехал по ним, так что раньше дворецкого до дверей добрался. Открыл, а там отец. Кинул князь недовольный взгляд на сына, но сердчать не стал. Ведь пора перед любимым праздником особенная, все проявляют благодушие и милосердие. Приказал князь Трескун Студенцов помощникам вносить в дом спиленное ледяное дерево. Срезали ножницами верёвки, и ледяная ёлка распустила широкие густые лапы, словно бабочка выбралась из кокона, крылья раскрыла. В комнате запахло зимним лесом, стало празднично и уютно.

Пока дворовые дерево устанавливали, княгиня Стужа Студёновна принесла из кладовки картонные коробки, морщась от тонкого слоя пыли на крышке.

– Ого, сколько пыли за год скопилось, – усмехнулся Хлад.

– Апчи, – чихнула в кружевной платочек Снегурочка.

– Холодина Степановна, будьте любезны, принесите влажную тряпицу, голубушка,
– приказала Стужа Студёновна, стряхивая пыль со своих белоснежных накрахмаленных манжетов.

Холодина Степановна, жена кузнеца вела в то время хозяйство у господ. И уж, очень княгиня её ценила за аккуратность и вежливость. Принесла проворная старушка тряпиц, всю пыль с коробок стёрла. А Хладу не терпится внутрь заглянуть, ведь там игрушки, свечи, шишки позолоченные. Стужа Студёновна крутит в руках сосульку, улыбается: «А эту, помнишь, Трескун Морозович, на первый Новый год, что встречали вместе, ты мне подарил? Смотрите дети, батюшка ваш сам сделал. Ох, зря ты на государственную службу пошёл, ведь какой искусный из тебя мороз бы вышел.» «Бы да бы! А службу кому служить? Вы бы, матушка, не философствовали попусту. Пусть ребятишки украшают ель к празднику. А мне Ваша помощь нужна, управляющий прислал отчёт о доходах ваших имений. Пройдёмте-ка в кабинет, взгляните-с.» – князь Студенцов нарочито важничал, ведь Стужа Студёновна из древнего царского рода, красавицей она была писанной и в своем уважаемом возрасте, мудрой и доброй хозяйкой. Сам царь Дубак II к ней за советом к ней обращался.

Снегурочки и след простыл, убежала барышня в свои комнаты, романы любовные читать. Остался Хлад один, долго разглядывал игрушки, не спеша их на ветки вешал. Вдруг видит шар из фольги, развернул его юный князь и ахнул. Это же фрукт заморский, китайское яблоко – мандарин тот, что он в прошлом году от крестного в подарок получил. Только засох совсем за год, твердый будто сухая деревяшка. Завернул Хлад засохший мандарин в фольгу, и на пол положил. Я улыбкой вспоминал княжий сын освежающий кисло-сладкий вкус цитруса, вдруг видит: покатился шарик в фольге под ёлку сам по себе. Подполз на коленях морозик, приподнял пушистую еловую лапу, заглянул, а там. Хлад глазам своим не поверил. С десяток круглых человечков, ростом с мизинец, на тоненьких ножках, и в вытянутых колпачках. Точь-в-точь малюсенькие мандарины, глазками хлопают, полукруглые ушки торчат, как будто кожуру отщипнули.

– Ой! Кто вы? – спросил Хлад.

Оглянулись человечки, запищали на непонятном языке, сняли колпачки и исчезли.

– Эх, спугнул. – подсадовал мальчик.

День ходил сам не свой, вот бы про крохотных человечков разузнать больше. Даже к Тимофею кузнецу бегал выпрашивать говорящее ведёрко. Но ничего из этого не вышло. Вечером снова забрался морозик под елку.

– Не бойтесь меня человечки. – прошептал Хлад, – покажитесь, пожалуйста, – вежливо попросил морозик.

И тут из ниоткуда один за другим появились кругленькие маленькие человечки в оранжевой одежде и с зелеными колпачками на голове.

– И как это у вас получается? – ахнул от неожиданности Хлад Студенцов.

– Как? Как? Шапки-видимки у нас! Когда мы их надеваем нас морозы и люди увидеть могут. А без них – невидимые мы!

– Ух, ты! А вы кто?

– Мы ндарины! – писклявыми голосками ответили человечки, и чинно поклонились, прижав ладони к груди.

– Мындарины?

Ндарины дружно засмеялись.

– Ндарины мы! – поправил один.

– Как мандарины? Фрукты? – переспросил Хлад.

– Мы учёные ндарины. Советники и верные служители императора Си Тру Ус династии Жуй.

– А я князь Хлад Трескунович Студенцов, добро пожаловать в Студенцы. Уважаемые ндарины, расскажите пожалуйста, про вашего императора? Невероятно интересно. Никогда о таком не слыхал.

– Эх, много хлопот перед праздником. Ну так и быть, все-таки мы гости в твоём доме. Слушай, Хлад Студенцов. Во дворце императора Китая в золотом горшке растёт наш император Сит Ру Ус, распустив вечнозелёные листья. А на его ветвях каждый год к Новому году поспевают золотые яблоки солнца – ндарины. Наш император умеет разговаривать с ветром, водой и огнём. Мы не фрукты, хоть и очень похожи, мы – волшебные существа, рожденные из ароматных белых цветов, созревшие под лучами яркого восточного солнца. Ндарины поселяются у людей, которые хоть раз вкусили сладкие плоды мандарина, и создают праздничное настроение на Новый год. А затем исчезают до дня, когда в дом снова принесут ель, достанут игрушки и мишуру. Правда в

Китае символ Нового года не ель, а мандариновое дерево, и празднуют его не первого января, а по лунному календарю. И видеть нас могут только дети и только в шапках-видимках. – дружелюбно улыбнулся ндарин.

– Ах! – изумился Хлад.

– Приятно познакомится, князь. Просим простить великодушно, мы торопимся, нам ещё город нужно построить. До праздника осталось не так много времени, и с каждым днём у людей и морозов будет прибывать праздничное настроение, и все больше будет появляться ндаринов в их домах.

– Здорово! – захолопал в ладоши от восхищения морозик.

Быстро развесил игрушки Хлад, и не стерпев, снова заглянул под елку, а там работа кипела, вдоль ствола из иголок строили винтовую лестницу, а на ветках как вдоль улицы справа и слева воздвигались крохотные домишки. Ндаринов уже было не менее сотни.

– Что это Вы там делаете, князюшка, голубчик? – Раздался ласковый голос Холодины Степановны.

– Ндарины считаю.

– Ох, да что же это? – всплеснув руками, спросила нянюшка. – Выдумали опять новую игру, поди.

– Не веришь? – шепотом переспросил Хлад, – идём покажу, только тихо, не спугни.

– Верю, верю, – старушка потерла ладонью поясицу, – и на слово, князь, Вам верю. Что же они там делают?

– Город строят и создают людям и морозам Новогоднее настроение.

– И правда, родимый, как-то сразу празднично на душе стало. Волшебно.

Рассказал тогда Хлад Холодине Степановне и про Китай, и про императора, и фрукты-мандарины, и волшебные существа ндарины. Подивилась старушка, порадовалось. «Ох, какое воображение у морозика. Чего только не выдумает!» – подумала ключница.

4 декабря

Клим Холодцов

В Леденцовом уезде в селе Студенцы Архангелогородской губернии жил почттарь Клим Холодцов. Как и все жители уезда, почттарь был морозом. В сущности, морозы и морозинки выглядели, как люди, только кровь и плоть их волшебной природы, умели морозить воздух и сами никогда не мёрзли. Жили морозы по всему северу России в деревнях, селах и городах. В конце весны запирали на засовы ледяные избы, терема, хоромы, ложились на кровати, печи, лавки и впадали в глубокий сон до самой осени. Но зимой у морозов много работы: и реки мостить, и снегом поля засыпать, деревья инеем покрывать, окна разрисовывать, людей за щеки и носы щипать.

Так вот служил почттарем Клим Холодцов исправно, письма и посылки в срок разносил. Но чаще всего ему доводилось князю северных земель Трескуну Студецову иноземные посылки и письма из столицы доставлять. Были среди них и посылки с книгами для княжны Снегурочки Трескуновны. Присылали ей подружки из столицы французские романы. Начитается впечатлительная барышня любовных историй и вздыхает, ждёт роковой встречи с суженным. Только где в глуши такой бравого офицера или талантливому музыканта, да даже поэта худосочного, сыскать? Нет их тут. Не водятся. «Скука в глуши этой, маменька! А давайте на Новый год устроим бал-маскарад! Пригласим всех знатных соседей нашего уезда!» – попросила Снегурочка. «Ох, балы ей подавай! Это ж траты сплошные.» – проворчала Стужа Студёновна. «А ведь ты, пожалуй, права, доченька! Новый год – самый морозный и самый большой праздник в году! Так и сделаем! Холодина Степановна, душенька, как почттарь явится, отправь его ко мне в кабинет, пожалуйста. Приглашения рассылать будем!» – княгиня дала распоряжение ключнице.

Обрадовалась Снегурочка, завертелись мысли и надежды в венском вальсе: наряды, кавалеры, музыка, угощения. Бросилась девушка маменьку обнимать целовать, прыгает, каблучками стучит. «Брось, не надо, Снегурочка! Благородной девице-морозинке не следует скакать как козлёнку,» – смеясь, уворачивалась от ласк дочери строгая матушка. «Только как же свою радость в себе удержать, маменька! Если петть хочется, танцевать, веселиться!» – закружилась Снегурочка, придерживая подол легкого платья на европейский фасон. «Не пугай меня, доченька! Разве ты не знаешь, нельзя нам морозам буйно веселиться! От сильной радости растаять можно! Так что немедля отправляйся к мадам Фуа заниматься холодными науками, а не то никакого бала!» – повелела Стужа

Студёновна. «Как прикажете, маменька!» – Снегурочка сделала книксен, и хихикнув, удались.

«Ох, уж эти дети!» – вздохнула княгиня, направляясь в кабинет. Достала бумагу, печати именные, открыла дверцу стенного шкафа, – «А-а-а! Хлад! Напугал мать! Зачем ты в шкафу спрятался? Чуть не разбила банку с чернилами.» «Извините, матушка. Я в шпионов играл!» – оправдывался озорник. «Кабинет родителей не место для игр, ясно тебе?» – княгиня потрепала сына по взлохмаченной кучерявой голове. «Я больше не буду!» «Больше не буду! Больше не буду! Выпрыгивать из шкафа, пугая мать до смерти, ты не будешь! Но я тебя знаю, что-нибудь новенькое придумаешь!» – смягчилась Стужа Студеновна. «А это правда, что у нас бал будет?» «Правда-правда! Бал-маскарад! Придумать нужно в какой костюм нарядишься!» «Ура! Я хочу быть японским самураем! Нет! Китайским мандарином!» – обрадовался Хлад Студенцов. На том и порешили. Хлад удалился, а княгиня Студенцова ровным красивым почерком написала приглашения друзьям, соседям и родственникам, не забыв украсить каждый конверт печатью с расписным вензелем.

– Барышня Снегурочка, ваша матушка уехала к портнихе, велела вас звать, как почтарь явится. – Отрапортовала ключница Холодина Степановна.

Снегурочка тем временем музицировала, готовилась к выступлению на празднике. «Да, спасибо, голубушка,» – стараясь в точности повторить матушкины манеры, произнесла княжна. Медленно спустилась Снегурочка по широкой лестнице, поздоровалась любезно с почтарем, и жестом пригласила Клима Холодцова проследовать за ней.

«Это приглашения всем знатным соседям на бал-маскарад на Новый год! Гости будут беседовать, пары будут кружиться в зале под чудесную музыку. Прекрасно, не правда ли?» – мечтательно спросила Снегурочка. «Не знаю, сударыня. Тут ведь от нрава зависит. морозы они же веселье не жалуют! Вот люди любят праздники.» – добродушно улыбнулся Клим.

Клим был юным морозом, высоким, крепким, статным и приветливым, лицом пригож, острый нос, тонкие юношеские усики. «Людам?! А что ты про людей знаешь?» – очень уж любопытно стало княжне. «Знаю немного. Дети человеческие каждый год четвертого декабря пишут письма Святочному старику, доброму морозу-отшельнику, что

живет недалеко от нас в Великом Устюге. Вот я почту и ему развожу. Много стало писем, зовёт меня дед к себе в помощники.» – посетовал почтарь. «Слышала я про этого старца, – задумалась Снегурочка, – А что ему дети пишут? С людьми же у морозов вражда. Бранятся люди на холода и зиму?» «Люди тоже разные бывают. Кто ругает, а кто хвалит. Многие верят, что в праздничную ночь Дед Мороз приносит послушным детям подарки! А вражда к чему? Разве Вы, княжна, не слыхали про Льда Морозовича, вашей ключницы Холодины Степановны деверя. Поговаривают, в молодости он девицу человеческую любил!» «Ах, да Вы что?» – глаза у Снегурочки засияли, она была чувствительной барышней, страсть как любила истории про сердечные тайны. Но вдруг раздался звон настенных часов. Равнодушно пробили они шесть раз. «Ох, скоро родители воротятся.» – спохватилась Снегурочка Трескуновна. Села за стол вписала в приглашение на бал-маскарад для Клим Холодцова. «Заклеивать не буду. Вы же тут, собственной персоной. Передаю в руки приглашение, непременно будьте.» – княжна протянула конверт, смущенно улыбнувшись. «Да как же, сударыня. Я почтарь обычный, не знатный мороз в гости к князьям хаживать. Что ваш батюшка скажет?» – растерялся Клим Холодцов, жутко смутившись, как у господ заведено, может руку поцеловать нужно? Посмотрел Клим на белоснежную-нежную рученьку, и не посмел прикоснуться. «Что за взор! У морозов никаких сословных ограничений нет. Праздник для друзей, а вы мой друг. Верно? Буду ждать! Главное приглашение дворецкому вручите, и умоляю, не забудьте про костюм! Бал-маскарад.» – засмеялась Снегурочка. Поклонился почтарь княжне: взял письма и удалился.

5 декабря

Лёд Морозович

Закончился рабочий день у Холодины Степановны в княжеском доме. Заторопилась она к родным. Дорога шла мимо леса, и по пути старушка собрала еловых веток. Запахло в ледяной избе хвоей и сладкой смолой. Чудно! И домочадцам понравилось. Поужинали все вместе за снежным столом с резными ножками в ледяной посуде. Самовар посинел, забурлил. Хозяюшка разливала чай по чашкам, и рассказывала: «Сынок у князя до того смекалистый, уж такие интересные истории выдумывает,

заслушаешься. Поставила барыня елку живую в доме, мода, говорит, нынче такая к праздникам новогодним. А на ветки угощения и игрушки вешают. Только мало у них игрушек. Вот бы сделать мальчонке в подарок. Придумал озорник, что крохотные человечки на елке живут.» «Эх, ты, Холодина Степановна, уже волосы седые, а в сказки веришь. Да и не стоит прихотям потакать. Ишь чего вздумали дерево лесное в доме ставить!» – вдохнул Колотун. «В что с того, для ребенка же, у матушки нашей сердце щедрое, детей она любит! Сделаю я тебе, матушка, подарок для Хлада.» – Вызвался старший сын Зазимок. «А я шить могу тряпичных кукол: пташек, зайчиков.» – Подхватила младшая дочь Изморозь. И немой Тимофейка – средний сын ложкой по столу застучал, тоже мол, он что-нибудь своими руками сделает.

Зазимок удалой был мороз. Но к кузнечному делу душа у него не лежала, хорошо, что Тимофейка стал отцовским учеником и отрадой. А Зазимок с усердием учился у родного дядьки стеклодувному мастерству. Старательно трудился, ведь дядя Лёд Морозович вздорный был старик, подмастерьев держал в строгости. И хоть души в племяннике ни чаял, но никогда не показывал своего расположения. Наоборот, больше остальных журил. Жил Лёд Морозович бобылём на самом краю деревни в приземистой ледяной избе с широкими окнами и резными ставнями. Холодина Степановна сказывала, что был её деверь в молодости первым парнем в Студенцах. Но вот однажды пришлось ему побывать в далёких краях по батюшкиному поручению, и повстречал в лесу девушку, привязанную к дереву, полюбил её всем своим ледяным сердцем. «Кто же привязал тебя девица, и одну в лесу оставил?» – спросил мороз. Она едва дышит, а дыхание облаком пара изо рта вылетает, да и тут же в шар ледяной превращается, падает и бьется на тысячу осколков. Удивительно Льду Морозовичу, вдруг упала девица, и тотчас понял он, что не морозинка это, а человек. Скорее согреться ей надобно, помчался на своём вьюжном коне к людям. Конь у мороза не простой, а снежный, грива на ветру развивается – метель начинается, хвостом крутит – вьюга бушует. Наконец, увидел Лёд Морозович заснеженные крыши бревенчатых домов, из труб дымок вьётся. Ступает снежными копытами вьюжный конь по улицам, заметает дороги хвостом. Мороз к людям пришёл, прячут скотину, в печи дров подбрасывают, птиц кормят, чтоб не околели.

Постучал морозец в первую дверь, она в миг примёрзла, льдом покрылась, во век не отморозить-не открыть. Дунул в окошко, стекло заледенело. Тут девица глаза открыла,

ресницы в инее, бледная белее снега, губы синие, дрожит от холода, зубы постукивают. «Даже если люди захотят открыть тебе двери, мороз, не смогут. Вон как засовы в лёд сковали, крепче замков держат. Ты оставь меня тут, а сам ступай подальше,» – тихим голосом попросила девушка. «Да, как же бросить тебя красавица?» – заволновался Лёд Морозович. «А я хворосту разожгу, отогреюсь, а там уже и в избу постучу. Мне откроют.» – улыбнулась девица, поёживаясь. «Понимаю, я погибель тебе. Стынет кровь в жилах, коли мороз рядом с человеком. Только скажи мне на прощание, милая, как звать-то тебя?» «Аннушкой меня кличут. Коли не лютых, то морозов не боюсь.» Попрощался Лёд Морозович и ускакал поскорее в родные края. Только забыть никак не мог Аннушку. Вспоминал про шар ледяной из её дыхания. Думал-думал и придумал выдувать из воды ледяные шары-бусины, всем девкам и бабам в селе бусы подарил. Ох, уж радовались. Морозинки мимо окон морозца ходили, песни пели, косы серебристые густые лентами снежными переплетали, на сарафаны броши прицепляли, на головах кокошники расписные. Но не смотрел в их сторону молодец-морозец. Люба ему лишь Аннушка, полюбил всей душой, ни одна морозинка не мила. Скоро ли, долго ли собрал Лёд Морозович подарок для Аннушки и послал с птицами-синицами ледяной ларец, а в нём серьги, бусы, перстни ледяные. И письмо написал:

«Милая Аннушка. Как здоровье твоё? Прими подарок от меня украшения! С уважением, покорный слуга твой, Лёд Морозович.»

Долго ли коротко летали, не знаю, воротились птицы-синицы, принесли ответ от ненаглядной девицы. Встрепенулось сердце мороза-удальца, еле высидел, чтоб у на лету письмецо не выхватить. Писала ему Аннушка следующее: *«Спасибо тебе, Лёд Морозович, за внимание спасибо и за подарки твои. Только как ларец внесла в горницу, от тепла всё растаяло. Ничего у меня не осталось. Но ты не печалься и не тревожься. Ты мне жизнь спас, и за это благодарна до конца своих дней тебе буду. В тот день односельчане в лес отвезли, к дереву привязали злomu духу морозу Трескуну в жертву! Чтобы смилостивился Трескун, не морозил людей. Коли бы к утру околела, то принял, значит, жертву. А вон как всё обернулось, ты мороз, а добрый.»*

«Эх, каково! Что за дремучий люд! Девиц на погибель оставлять! Только как же мне Аннушку порадовать, если тают все мои подарки?» – думал Лёд Морозович. Долго горевал молодец-морозец, ни бусы, ни лампы не выдувал из льда. Пока заезжий купец не

поведал ему про стекло. С тех пор, Лёд Морозович стеклодувное ремесло и освоил. Чего только не умел. Год за годом без усталости учился и трудился целыми днями, а ночами садился верхом на вьюжного коня и в деревню к Аннушке. С замиранием сердца подглядывал в окно на возлюбленную. Любовался спящей девушкой, как вздымается грудь при вдохе, как волосы густые русые по подушкам водопадом рассыпаются. Даже летом не побоялся, явился в деревню весь посевет погубил, баловень. Причитал народ крестьянский, почему свет мороза окаянного клял. Только что мог поделывать морозец с любовью?

Наконец, изготовил подарки и решил Лёд Морозович признаться в чувствах, позвать Аннушку жить с ним в Студенцы, собрал гостинцы родителям девицы: целый воз стеклянной посуды, украшений, ламп и прочих безделиц. И отправился в человеческую деревушку. Нашёл знакомый дом, постучал посохом деревянным. Вышел старик на крыльцо, в ноги морозу кланялся. «Здравствуй, милый человек!» – поприветствовал мужичка Лёд Морозович. «Твою дочь Аннушку пришёл сватать! Извини, без сватов явился, крепкие они у меня морозы, переморозили бы всех!» – смущенно улыбнулся молодец. «Живу я давно, но впервые вижу, чтобы мороз девицу сватал! Только прости, опоздал ты. Повенчалась Аннушка с купеческим сыном и уехали они далеко в южные страны, где весь год лето. Никогда тебе теперь до неё не добраться.» – грустно вздохнул старик, вытирая скупые отцовские слёзы, истосковался он по любимой дочери. Свидятся ли теперь?

Горестно стало на душе у мороза, уж не он ли всему виной? Оседлал вьюжного коня, и прочь с тех мест, не простившись. Так бобылём и прожил Лёд Морозович, всю свою грусть и страсть в стеклодувное дело пустил. И по сей день никто таких искусных изделий ни повторить, ни придумать никто не может.

А ещё люди поговаривают, что морозы с тех пор деревушку, где Аннушка жила, обходят стороной, никогда не захаживают, Лёд Морозович не велел.

6 декабря

Зазимок Колотунович

Далеко-далеко на самом севере России в деревне Студенцы жили морозы большие и маленькие, лютые и слабенькие. Жил там лихой удалец умелый кузнец Колотун Морозович. Была у него жена добрая морозиха Холодина Степановна и трое ребятишек: сыновья Тимофейка, Зазимок и дочурка Изморозь. Рос Зазимок непоседой, учиться кузнечном делу ни за что не желал, а бывало и родителей не слушался. В те времена бродил по всем северным землям слух, что Студень Морозович, знатный мороз царских кровей, поселился вместе с людьми в Великом Устюге Вологодской губернии. В Новогодние праздники ходит мороз по домам, где живут дети и дарит подарки хорошим ребятишкам и льдинки – непослушным. Мало кто из морозов в этот слух верил, потому что люди и морозы враждовали. Морозы людей морозили до самых костей, а люди в ответ топили морозов огнём. Вот и не доводилось им жить вместе, потому как морозы селились далеко на севере, а люди гораздо южнее.

– Тять! А ты в Святочного старца веришь? – Спросил Зазимок отца.

– Как же не верить, я его лично встречал, – пробасил Колотун Морозович.

– Да, ну? – Удивился сын.

– Студень Морозович древнего царского рода. Когда его старший брат Дубак II взошёл на престол, явился к нему Студень Морозович и говорит: «Милостивейший Государь и любимый брат мой. Пришла пора положить конец этой бессмысленной вражде морозов и людей. Чтобы отныне жить в мире и согласии.» «Прав, ты Великий князь, Студень Морозович, да только как же это устроить? Если для людей мы волшебной природы, они не слышат и не видят нас?» – спрашивает царь-батюшка. «Есть у меня мысль. Что если поселиться рядом с людьми, перенять их привычки и вид. И под Новый Год принимать облик старца и дарить послушным детям подарки, а озорникам – сосульки ледяные. Тогда вырастут новые люди, с верой в чудо и в справедливость морозову.» «Ладно говоришь, брат! Пусть так и будет.» – благословил брата Дубак. Но жена Студня Морозовича не захотела с ним к людям ехать, разозлилась она на мужа за его доброту. Топнула ногой так, что земля затрещала, и сказала: «Что бы я знатная морозиха человеческих детей на праздник потешала? Ни за что. Иди один волю царскую исполняй. А мы тебе более не знакомцы!» Долго горевал Студень Морозович, жалко ему было с доченькой Стужей Студёновной расставаться, только мать ее уже супротив отца настроила. Не желала маленькая морозинка батюшку своего видеть. С тех пор живет

Студень Морозович около людей в Великом Устюге Вологодском уезде Архангелогородской губернии. Люди прозвали его Святочным старцем или Дедом Морозом. Каждый год в ночь с тридцать первого декабря на первое января добрый волшебник приносит подарки хорошим детям, – закончил рассказ Колотун Морозович.

– Откуда же он знает, кто из детей хороший, а кто нет?

– А по их поступкам и делам он и знает! – Колотун Морозович большой широкой ладонью ласково погладил по шелковым волосам сына. – Смастерю я тебе, сынок, шкатулку-копилку. Будешь в ней хорошие дела копить: как сделаешь доброе дело, зазвонит оно ледяной монетой в копилке. А от плохого поступка монета в миг растает. Вот и посмотришь в конце года, если хороших дел много, то наполнится копилка. А наполнишь копилку – будет и тебе подарок на Новый год.

– Ух, ты, – обрадовался Зазимок, – значит не только к людям, но и к морозикам Новогодний старец приходит?

– Конечно, – улыбнулся отец.

С того самого дня Зазимок по дому работал исправнее, в школе старался отличные отметки получать. Бывало, с сестрой повздорил, с братом подрался – монеты растаяли, но добрых дел было гораздо больше, и копилка вскоре наполнилась. Хоть Зазимок уже привык родным помогать, что и забыл про счёт. Лишь под самый Новый год вспомнил. А сделал Колотун Морозович не просто шкатулочку-копилку, не даром лучшим кузнецом округи слыл. Был это маленький железный сундучок с прорезью для монет на крышке с крохотным замочком. Копилка та вся в чеканных узорах. Открыл Зазимок и своим глазам не поверил ледяные монетки в серебряные превратились. Так и сияют, будто звездочки. Схватил шкатулку морозик и к батюшке на кузницу со всех ног побежал:

– Тять, тять! Да как же это? Серебряные монеты! – кричит Зазимок с порога.

Опустил кузнец тяжелый молот, улыбнулся в бороду.

– Тихо, тихо, малец! Сколько раз твердил тебе: в кузницу не врываться. Работа здесь опасная с ледяным огнём и металлом!

– Извини, батюшка. Не терпелось мне. Чудо-то какое!

– Чудо да не чудо. Хорошие дела они всегда на вес серебра и золота! Что с богатством делать будешь? Заслужил! Потрать с умом! – наставлял отец.

В тот год Зазимок купил родным подарки: сестре – серьги, матушке Холодине Степановне – новую снежную пушистую шаль, батюшке Колотуну Морозовичу и братцу Тимофею по чугунному молоту. Ребятишкам соседским леденцов сахарных. «Как же приятно радовать родных и друзей!» – думал Зазимок.

С тех пор прошло двенадцать зим, вырос Зазимок крепким удальцом, сажень в плечах, косая сажень ростом. Светло-серые глаза блестели серебром, волосы шёлковые, а от улыбки молодца и самые холодные морозинки растаять могли. Гордились сыном родители, ведь добрейшей души мороз вырос, и им старикам помощь.

Работал Зазимок Колотунович подмастерьем своего родного дяди-стеклодува Льда Морозовича. Решил молодой морозец материнскую просьбу исполнить, сделать стеклянные игрушки на ёлку для княжеского сына Хлада Студенцова. Матушка Зазимка – Холодина Степановна работала у князей ключницей и няней, и сильно привязалась к мальцу. Вот и захотелось ей порадовать морозика к празднику.

Выдул Зазимок шары из стекла, прозрачные, ровные, но чего-то не хватает. «А ты их посеребри, пусть как снег искрятся!» – посоветовал Лёд Морозович. И точно, волшебным образом получилось. Тогда выдул еще Зазимок домик, человечка, грибок и пташку. Разрисовал красками, словно живые вышли. Тимофейка Мерзляк, брат его названный, махом прищепку соорудил, и подвески тонкие для шариков. «Посмотри, Тимофей, красота какая получается. Может и нам дома елку поставить и украсить игрушками к празднику?» – предложил Зазимок. Улыбнулся Тимофей, закивал, идея ему понравилась. Срубил Зазимок ледяную елку в лесу, специально подбирал, ту, что в тени и тесноте росла. «На этом же месте к весне новую выращу» – подумал Зазимок. Принес в дом, поставил в угол, шары повесил, посеребрил снегом иголки. Стоит любитесь. Сказочно. Вечером пришла с работы Холодина Степановна. Ахает, охает, будто все слова позабыла. «Будем и мы Новый год с ёлкой встречать! А вот матушка, как ты просила для Хлада игрушки,» – передал Зазимок коробку с елочными украшениями.

Смотрел Зазимок, как родные радуются, даже батюшка и тот елкой залюбовался, от удовольствия бороду длинную поглаживал. И тут пришла в голову светлая мысль: построить в Студенцах мастерскую елочных игрушек. Чтобы в Новогодний праздник в каждом доме была эта сказочная красота.

В тот год на бал к князю Трескуну Студенцову съехались гости со всей округи, подивились на елку с серебряными шарами, домиками, гномами и птицами, и развезли в свои уезды славу о мастерах-стеклодувах из Студенцов.

Морозов-стеклодувов в те времена легко было отличить, не растили они бород. Тогда как все остальные с длинными белёсыми бородами расхаживали. Борода для Мороза самое ценное. Кто-то поговаривал, что в ней из сила морозильная. Чем длиннее борода, тем сильнее мороз. Только предрассудки всё это. Выдумки! У Зазимка подбородок всегда гладко выбритый, но морозил не хуже. Деревенские поначалу чудились, а потом привыкли. А как мастерскую Зазимок открыл, морозихи и морозинки стали стеклодувному мастерству учиться и пошла слава о Студенцах по всей России матушке. Со всех уголков страны купцы в Студенцы приезжали стеклянные шары для Нового года покупать.

7 декабря

Старушка Хохотушка

В северных землях есть деревня – Студенцы. Несколько столетий живут там морозы большие и маленькие, крепкие и слабенькие. Жила там старушка Хохотушка, весёлая морозиха. Полное имя её никто не помнил, но все знали, что именно её родная бабка Изморозь Колотуновна основала в Студенцах первую мануфактуру снежинок. А брат Изморози – Зазимок открыл мастерскую Новогодних игрушек. С тех пор уже три поколения морозов сменилось, а фабрики эти основа русской зимы. Снежинки для всей России только там морозы делают. Да, какие! Ведь ни одной повторной. Ювелирная работа.

«Эх, не те снежинки нынче, – вздыхает старушка Хохотушка, рассказывая своему непоседе-соседу крохе морозу Тимашке Заморожке, – Сейчас они снежинки рисуют! А раньше, как было? Бабушка Изморозь мне сказывала, что пряли снежинки тонкими спицами, отчего они получались необычными!» «Ух, ты! И какими же они были?» – удивляется Тимашка. «Волшебными! Если человек загадает желание и поймает такую снежинку языком, то желание сбудется!» – поясняет старушка. «Да, ну!» – не верит

Тимошка. «Непременно. Можешь не сомневаться. Хочешь, я тебя научу снежинки вязать?» «Ещё спрашиваете! Конечно хочу!» – радуется морозик.

Старушка Хохотушка переливает студёную воду, которую Тимошка из проруби принёс, в ступу, вырезанную из цельного дерева. И начинает колотушкой воду взбивать. Вода в ступе плещется, брызги разлетаются. Взбивает хозяйка до тех пор, пока не получается густое снежное облако. Облако она встряхивает, и крепит, как кудель, к лопаске ручной прялки. Садится на донце, берет в одну руку веретено, второй тянет облако как пряжу, и закручивает волокно в нить.

«Смотри, смотри Тимошка, тоненькую нить надо прясть. Чтобы снежинки крохотные вышли, узорные,» – объясняет старушка, и протягивает веретено морозику. – «На, теперь ты попробуй!» Тимошка Заморозка бережно берёт в руки веретено, медленно начинает вращать. Тонкие пальчики морозика ловко скручивают облачную пряжу в тоненькую нить. «Морозить, морозить не забывай, сынок!» – ласково наставляет старушка. Тимошка дует холодом на нить. «Молодец, Тимошка. Умница!» – хвалит морозика Хохотушка, – «Ты пряди пока, я спицы поищу.» Шурша пышными юбками, старушка подходит к старинному сундуку, поднимает крышку, ржавые петли скрипят. Наклонившись, перебирает хозяйка добро, достаёт резную шкатулку, а в ней тончайшие спицы с крошечными крючками. «Ой, бабушка, вдруг сломаются. Худые какие, едва видно!» – беспокоится Тимошка. «А ты работай, знай своё дело. Не болтай, а дойдёт черёд вязать, расскажу!»

Долго ли коротко Тимошка пряд, только немоготу стало. «Бабушка, пальцы немеют, не могу больше,» – ноет морозик. «Хорошо, хорошо, молодец! Много нити напряд,» – старушка Хохотушка берёт веретено, обрывает нить, дует, оборванный край вытягивается в тонкую сосульку.

Старушка Хохотушка ловко вертит спицами, подхватывает крючком нить. Ниточка ныряет в петлю, и вновь выпрыгивает, закручиваясь в замысловатые узелки. Тимошка Заморозка и рта разинуть не успевает, снежинка готова. «Вот это да!» – хлопает в ладоши от радости морозик, – «Можно теперь мне попробовать!» Старушка вкладывает морозику в руки спицы, обматывает нить вокруг пальцев. «Так?» – Тимошка от стараний прикусывает губу. «Правильно, теперь в петельку. Молодец!» – довольна старушка работой усердного ученика. Снежинка получается крупной, но узорной. Тимошка

светится от гордости! «А правда, никто больше волшебные снежинки не вяжет?» – волнуется Заморожка. «Твоя матушка Зимушка управляет фабрикой снежинок в Студенцах. Ты сходи к ней на работу и положи наши снежинки в снежное облако.» – старушка Хохотушка кладёт снежинки на ладошку Тимошки. «Меня не пустят, я маленький.» – грустно вздыхает морозик. «А ты скажи, я тебя попросила. Только сперва – наперво, родимый, пирожков отведай, только из печи ледяной – холодные, хрустящие!» – смеется Хохотушка. Как от такого угощения отказаться? Наелся Тимошка Заморожка досыта, поблагодарил гостеприимную соседку и на фабрику снежную поспешил.

«Тимошка? Откуда ты тут?» – удивилась матушка Зимушка. «Не бранись, матушка. Научила меня старушка Хохотушка снежинки вязать. Разреши в облако забросить, пусть у детей человеческих желания сбудутся! Я так старался!» – Тимошка Заморожка кулачок разжал, а там кружевные снежинки ручной работы, старинных узоров. «Неужто сам связал?» – обрадовалась Зимушка. «Вот эту сам,» – тыкнул пухлым пальцем в самую крупную снежинку, – «А эти старушка Хохотушка!» «Какой ты молодец, сыночек! Пойдем провожу к облаку, забросишь.» Это дома Зимушка была ласковой с малышами морозиками, а на работе строгая хозяйка. Властной поступью в роскошной шубе шла она по длинным коридорам фабрики. Все морозы и морозихи ей при встрече кланялись. Прошли они мимо мастерской, тонкими кистями искусно выводили художники расписные снежинки, и вытряхивали на конвейерную ленту. Словно легкий пух, подлетали снежинки и вновь опускались на ситцевую ткань, пока не высыпались в огромный облачный мешок. «Почти полный! Выключай,» – приказала матушка Зима, лента тут же остановилась, – «Бросай свои снежинки, Тимошка!» Смущенный морозик замер, ловя на себя любопытные взгляды. «Мы с бабушкой Хохотушкой снежинки связали!» – крикнул он, все одобрительно закивали и заулыбались. Тимошка Заморожка забросил волшебные снежинки в облако. Матушка Зима стянула мешок, крепко перевязала ледяной веревкой, подбросив облако, которое медленно начало взлетать, она передала веревку посыльному. «Доставь в Тульскую губернию к полуночи!» – распорядилась матушка Зима. Посыльный мороз, закрепил широкие снежные крылья, помахав Тимошке рукой, поднявшись в небо, потянул за собой снежное облако. Посыльный должен был добраться до Тулы ровно в срок, и развязать мешок, чтобы снежинки, кружась, посыпались на землю.

В тот вечер Тимошка Заморожка видел во сне, как какой-то румяный парнишка загадал желание и поймал языком его волшебную снежинку. «Обязательно сбудется» – сквозь сон пообещал Тимошка.

8 декабря
Снегурочка Студенцова

На севере России в селе Студенцы проживали морозы сильные и слабые, большие и малые. И сам хозяин всех заснеженных земель – князь Трескун Морозович Студенцов. Была у него дочь красавица Снегурочка. Натура утончённая и взбалмошная. Упросила она как-то княгиню Стужу Студёновну устроить бал, разослали приглашения. А уже на следующий день среди прочей почты получила Снегурочка Студенцова письмо без адресата.

«Дражайшая сударыня.

Не доводилось мне встречать более нежной и восхитительной девушки. И облик ваш и ваши жесты божественны, вовек их не забыть. Позвольте, мне не называть своего имени, и любить Вас тайно.

Ваш тайный поклонник.»

Снегурочка сотню раз прочла письмо. До того оно казалось ей, загадочным и волнительным. На следующий день Снегурочке доставили сверток, в котором оказалась снежная роза. В третий день княжна бросилась встречать почтаря, и безумно обрадовалась, получив новое письмо.

«Милая Снегурочка.

Этой ночью я никак не могу заснуть. Всё мерещился ваш образ в лунном свете. Безмолвно Вы кружились по горнице легким ветерком. А я, обезумев от счастья, едва дыша, чтоб не спугнуть фантазии, пишу Вам.

Ваш тайный поклонник.»

На четвертый день Снегурочка получила три снежные розы.

На пятый день, Снегурочка поджидала почту у ворот, отпросилась у маменьки за некой надобностью.

«Почтарь, как там тебя?» – спросила Снегурочка. «Клим Холодцов, сударыня.» – учтиво ответил морозец. «Клим, есть для меня почта?» «Сейчас посмотрю, – сняв рукавицы, пальцами перебирал конверты, – «Да, письмо, Вам, княжна.» Не смогла удержать улыбки барышня, выхватила конверт. Узнав почерк, сжалось в груди у девушки, на щеках выступил румянец. «Подожди, Клим! А как же это возможно отправлять письма без адресата. Анонимно?» Клим, опешив немного, ответил: «Ежели марка почтовая стоит, и уплачено, то отправляем.» «Ясно,» – улыбнулась Снегурочка, и побежала в дом.

«Несравненная моя, Снегурочка.

Вы простите, что никак не осмелюсь открыть Вам своего имени. Муки любовные до того сладостны, что и отважного смельчака сделают робким и застенчивым. А как представлю, что Вы томитесь, ждёте мои послания, читаете их и возможно догадываетесь, кто Вам пишет, то сердце наполняется надеждой и безмерной радостью.

Искренне Ваш, тайный поклонник.»

Так и получала Снегурочка две недели то послания, то букет цветов, вот уже в комнате негде вазу с цветами поставить. А Снегурочка какая-то загадочная, молчаливая, мечтательная, витает в облаках днями напролёт. Даже при подготовке к долгожданному балу рассеяна и задумчива.

«Доченька, от кого эти цветы?» – настороженно спросила княгиня, принимая почту. «Ох, маменька. Мне бы знать. Тайный поклонник!» – Снегурочка расплылась в улыбке. «Не нравится мне всё это, милочка. Если ему скрывать нечего, то открыто о своих чувствах сказал бы. Да и негоже морозам растрачивать столько душевных сил на чувства. Выброси эти глупости из головы, а то не ровен час растаешь, милочка.» – забеспокоилось материнское сердце, – «И отцу этот тайный поклонник не понравится. Он о твоём счастье уже позаботился, как особу царских кровей, сосватал принцу заморскому.» «Ни за что!» – закричала Снегурочка. «А ты погоди каблуком стучать! Тайного своего поклонника видела? Вдруг он плох собой! И не люб совсем будет.» «Вот и люб. Ничего, вы, маменька, в романтике не смыслите!» – в сердцах закричала Снегурочка, и слёзы брызнули из её небесно-голубых глаз.

«Воспитанные барышни, не разговаривают в таком непозволительном тоне с матерями! Отправляйся в свою комнату немедленно, и пусть мадам Фуа хорошенько с

тобой займется правилами этикета. И французским! Потому как твой будущий жених герцог Шарль-Франсуа де Гляс племянник короля Франции! И точка. Романтика, что за глупости? Работа, обязанности и альянсы, вот что надо понимать. Начиталась романов, и выдумываешь ерунду. Любовь только в книжках и бывает. В жизни всё куда приземленнее. Так что не морочь голову.» – взбеленилась Стужа Студёновна. Впервые домочадцы увидели, как княгиня потеряла самообладание. Она кружила по комнате, размахивая руками, под её грузными шагами виновато скрипели паркетные доски. А в душе Снегурочки бушевала буря, она бежала вверх по лестнице, завывая от обиды и несправедливости, и её тонкие каблучки отчаянно стучали по ледяным лестницам. «Холодина Степановна, ду-шеч-ка. Всю почту доставлять мне. Вы меня поняли?» – в ледяном голосе княгини звенел металл.

«Ясенько, барыня.» – пробубнила старушка. Всем сердце ей было жаль Снегурочку, ведь Холодина Степановна работала в доме Студенцовых давно, и долгое время была няней. Только, когда княжеские дети подросли, мало по малу стала помогать с домашними делами, и так она хорошо справлялась, что княгиня назначила её ключницей. Холодина Степановна любила Снегурочку и Хлада как родных. И жалела несчастную барышню, на следующий день ключница караулила почтаря, то и дело поглядывая в окно. «Здравствуй, Клим. Снегурочке есть письмо?» – прошептала Холодина почтарю, боязливо оглядываясь. Клим, спешно перебрав конверты, кивнул. «Спрячь! Сам барышне отдашь!» «Да, как же?» – возмутился почтарь. «Стужа Студёновна, велела все письма ей лично доставлять. Не прочтёт их, Снегурочка. Можешь не сомневаться. А ежели тебе важно, чтобы княжна письмо получила. Сам и передай!» – Холодина Степановна захлопнула дверь перед носом недоумевающего морозца.

Отправился Клим к конюшне за своим коньком. И вдруг он заметил на узорной лавочке Снегурочку, прикрывшуюся кружевным зонтом от снежных хлопьев. На коленях у неё лежала раскрытая книга стихов Мороза Сугробовича Зимушкина.

*Я помню первый раз увидел
Твои прелестные черты,
Мне напророчил ясновидец,
Что ярким светом будешь ты.*

*Я помню в первый раз услышал
Твой чудный голос – нежный звон.
Весною как-то раз на крыше,
В сосульках слышался мне он...*

Сама Снегурочка прибывала в глубоких раздумьях. «Сударыня! Снегурочка!» – позвал Клим княжну. Барышня оглянулась, и на ресницах сверкнули, застывшие инеем слёзы. Снегурочка вытерла их белоснежным шёлковым платком. «Что Вы здесь делаете?» «У меня письмо для Вас. Холодина Степановна намекнула, передать Вам его лично. Но и увидеть Вас я безмерно счастлив.» «Клим, ты же крестьянский сын?» – неожиданно спросила Снегурочка. «Да,» – понурил голову почтарь. «А где же ты грамоте обучился? Кто тебя читать научил?» – допытывала барышня. «А, так отец Ваш баловнем рос, учиться не желал. Вот старый князь Мороз Трескунович Студенцов, родной дед ваш, приказал собрать всех деревенских детей и учить вместе с вашим батюшкой. Среди них и была моя покойная матушка Стынь Бурановна. А я от неё уже. Так в нашем селе много грамотных крестьян и ремесленников.» «Да-да, припоминаю, папенька рассказывал взял его азарт, стать самым лучшим учеником. Только так он и выучился!» – согласилась Снегурочка, а потом бросила на Клима пронзительный взгляд: «И писать умеешь!?» Клим раскашлялся, смутившись, осторожно кивнул. «Fille des neiges, où es tu?» – донёсся звонкий голос мадам Фуа. Снегурочка выхватила письмо, торопливо спрятала под шаль: «Беги скорее,» – шепнула она Климу, и, захлопнув книгу, крикнула: «Je vais, madame La Froid!» Клим скрылся за пушистой завесой снегопада. Снегурочка, мечтательно улыбнулась, привстала, стряхивая снег, и направилась к дому.

9 декабря

Мадам Ля Фуа

Мать мадам Ля Фуа – Изабелла Ледичи родом из Италии. Она была дочерью известного мастера десертов Франческо Фростини Ледичи. Когда Изабелла переехала во Францию, то отправилась в Rhône-Alpes, где жили самые почтенные морозы голубых

кровей – элита европейского света. Ей грезилось, что она сможет покорить французов своими холодными десертами. Но вскоре ей вскружил голову бравый офицер Франсуа лё Жель, она, позабыв обо всём, чуть было не вышла замуж. Но волей случая, на королевскую кухню искали мастера по десертам, и ей удалось устроиться работать шеф-поваром. И тогда молодая морозиха с головой погрузилась в любимое дело – она создала новое блюдо, дополнив секретный рецепт своего отца, и назвала его *la crème glacée*. Десерт произвёл фурор. А Франсуа лё Жель тем временем, женился на богатой вдове, загордился от состояния и нового положения, что даже перестал здороваться с итальянской красавицей, и не вспоминал о своих любовных клятвах и обещаниях. Сердце юной Изабеллы было разбито, но к счастью, рядом оказался надежный друг – Оливье Ля Фуа. Оливье тоже работал на королевской кухне, заведовал закусками и супами. Незаметно добрая дружба переросла в нежные чувства, и они поженились. Спустя несколько лет у них родилась дочь – Жаннет Ля Фуа. В юности Жаннет интересовалась ледяными науками, литературой, живописью, языками. Чтобы усовершенствовать русский мадмуазель Ля Фуа отправилась в далёкую Россию. Благодаря её прекрасным манерам и глубоким знаниям, молодую француженку наняли в царскую семью учителем для малолетних великих князей и княгинь. У мадмуазель Ля Фуа была тонкая талия, круглые узкие плечики, изящные руки, длинные пальцы. Пушистые реснички обрамляли огромные зеленые глаза, а вздернутый нос придавал личику ангельскую прелесть и неземное очарование. Жаннет, как часто это делают француженки, слегка выпячивала нижнюю губу вперёд, когда говорила и даже в русском, коим прекрасно владела, но иногда правда забываясь, использовала звенящие носовые звуки. Во всех её движениях и повадках была изысканность и необычность, неудивительно, что юный царевич Дубак увлёкся утончённой мадмуазель Ля Фуа.

Маленькой французской морозинке льстило внимание царской особы, да и Дубак был удалым морозом. Жаннет брал озноб, когда он к ней приближался. И вот однажды они случайно встретились в длинных коридорах дворца.

– А это правда, мадмуазель Ля Фуа, что матушка ваша родом из Италии, – как-то спросил её царевич Дубак.

– Всё верно, ваше высочество. Из Италии.

– Но скажите на милость, как морозы могут жить в такой теплой стране?

– Мои предки с Юлийских Альп. Высоко в горах бывает снег и морозы. – уголки губ слегка приподнялись, и едва уловимая улыбка осветила её милое лицо.

– Вы прекрасны, Жаннет, – выпалил царевич, не в силах сдерживаться, – я очарован вами с той самой первой минуты, когда увидел вас впервые, – шептал мороз, он схватил кисть и поцеловал Жаннет руку.

– Безумие, Ваше Высочество! Это безумие, – зашептала она, и прозрачные слезы хлынули по белоснежным щекам, – Вы же помолвлены с Австрийской принцессой.

– Отрекись от неё, от престола отрекись, пусть младший брат Студень Морозович правит и на австрийский принцессах женится. Лишь бы мил я тебе был, Жаннет. Мил?

– Что Вы! Что Вы, Ваше высочество! Даже думать такое страшно! Никогда не буду я причиной ваших отречений. Забудьте меня, умоляю, – затряслось хрупкое тельце Жаннет, и она упала без чувств.

Подхватил своими огромными руками Дубак девицу-морозицу и понёс к дворцовому лекарю. Доктор Морозский – худощавый жилистый старик, с бледно-желтоватым оттенком кожи, и темно-синими выразительными глазами. Казалось от них ни утаить ни единого симптома.

– Что с ней, доктор? – волновался царевич.

– Тает! Тает наша мадмуазель Ля Фуа. По всей видимости, сердечные дела. Ох уж эти европейские морозинки, влюбчивые, да хилые совсем. Тают! Ничем помочь не могу! – беспомощно развёл руками доктор.

– Да, неужели ничего сделать нельзя? Прошу вас, вылечите её, доктор! – Дубак потряс доктора за плечи. Старик озабоченно посмотрел на юношу.

– Сдаётся мне царевич, и вы поражены этим недугом. Ой-ой, как бы эпидемии не случилось, – запричитал доктор. – Так-так-такс, в срочном порядке нужно вызвать из Парижа знаменитого доктора Лё Фрежерэ, он на весь мир знаменит своими исследованиями в сердечной области, – доктор достал из саквояжа вытянутую металлическую коробочку, из нее – длинный шприц, и вколол в левое плечо мадмуазель Ля Фуа.

Дубак по велению отца оправился в Австрию знакомиться с будущей женой, а мадмуазель Ля Фуа после длительного лечения, благодаря невероятным усилиям докторов и смертельно опасной операции по пересадке ледяного сердца, окончательно

выздоровела, а вместе с тем потеряла пагубные привычки заводить привязанности. С тех пор Жаннет Ля Фуа стала образцовой морозихой без чувств, эмоций и треволений. Мадмуазель Ля Фуа поняла, что педагогика её призвание. С возрастом для престижности просила обращаться к себе с приставкой мадам, будучи незамужней. Она обучала юных морозов ледяным науками, языкам, истории искусства. И раз в несколько лет со своими подопечными, мадам Ля Фуа путешествовала по Альпам, редко вспоминая о прошлом. Когда Стужа Студеновна её ученица пригласила Жаннет учителем французского и ледяных наук для своих детей, обеспечив проживание в родовом имении в Студенцах и, назначив приличное содержание, она с радостью согласилась. Давно хотелось ей жить подальше от шумной столицы, сплетен и интриг, подальше от ревнивых глаз царицы, и грустного взгляда царя Дубака II.

10 декабря
Старичок Домовичок

Жил у матушки Зимы за печкой старичок Домовичок. Как и все домовые следил Старичок за порядком: сторожил снежную муку в амбаре от мышей, лечил скотину, да за детками приглядывал. Было старичку Домовичку почти триста лет, никто и не помнил, что был в свои молодые годы искусным резчиком по льду и по дереву. Вот под старость захотелось старичку Домовичку передать свои знания и умения. Долго ли коротко, да приглядел себе проворного ученика – непоседу Тимошку Заморожку хозяйского сыночка. Уж до того пытливый малый был, чувствовал старичок получится у Тимошки.

Как-то раз нашел Тимошка топорик Домовичка, прорубал прорубь в замёрзшей реке, да и уронил в топорик в воду. Эх, жалко. Хороший топор был. Да, что делать, взял он с Тимошки обещание приходить к нему по пятницам и резному делу учиться. А Тимошка и сам рад радёхонек! Скучно ему одному, старшие братья и сестры в школу уходят, родители на работу. Он один всех дома дожидается.

- Здравствуй, морозик. Пришёл! Молодец! – похвалил старик Тимошку Заморожку.
- Ага! А чаво делать будем?
- Не чаво, а чего. Поздоровайся для начала!

– Доброго здоровья, старичок Домовичок. Чего делать-то будем?

– Учить тебя буду резьбе по льду и по дереву.

– Ух, ты!

– И есть у меня заказ особенный! Посох нужно сделать волшебный для самого Деда Мороза. Поможешь?

– С радостью! – глаза Тимошки от счастья так и засверкали.

– Для начала тебя научу дерево выбирать, ведь в каждой коряге уже скульптура спрятана, надобно её разглядеть, и к ко льду приглядеться нужно, с какого края срезать, есть ли пузырьки воздуха. А уж после и с инструментами познакомлю, как держать, как управляться.

Так и началась учёба у Тимошки. И прав оказался старичок Домовичок, смыслённый паренек – Тимошка, трудолюбивый. Сколько дней-ночей пролетело ведать-не ведаю, да только вырезали они славный посох изо льда с дивными узорами.

– А это правда, что Дед Мороз человеческий детей ходит поздравлять.

– Правда, Тимошка. Правда!

– А ежели посох ледяной в избе растает? Ведь люди печи огнем топят, жарко у них.

– Все верно говоришь, Тимошка. Так оно и есть. Потому именно нас Дед попросил посох сделать. И самая сложная работенка ещё впереди.

Домовичок погладил своей широкой мозолистой ладонью по гладкой поверхности посоха и призадумался.

– Как это впереди. Чего ж тут резчику делать? – Тимошке не терпелось всем вокруг свою работу показать!

– Резчику-то может и нечего. А вот посох пока ледяной. Пойду я на север к полярным плясуньям, попрошу их наполнить посох волшебством.

– Плясуньям? Уж не к тем, что на небе по ночам танцуют?

– К тем самым. Полярное сияние они и зажигают. Давно я живу, да ещё дед мой сказывал, что плясуньи эти только на самом краю земли живут, и по ночам с края земли на небо прыгают и давай хороводы водить. Кружатся, поют, и по небесам изумрудные волны разбегаются. Красотища.

– Вот это да! Старичок Домовичок, возьми и меня с собой. У нас в Студенцах полярное сияние видно, но так плясуний вблизи увидеть хочется, – стал упрашивать Тимошка.

– Эх, Тимошка миленький. Взял бы я тебя. Да только, что мы посох для Святочного старца, делаем секрет большой! Не все морозы хотят с людьми дружить. Кто-то поговаривает, что люди загрязняют воздух, на планете теплее становится, ледники тают, и нам морозам конец скоро.

– Да, ну? Правда ли это, – не верит морозик.

– А я почему знаю? Говорят так, говорят разное. Давным-давно вся планета была покрыта льдом, людей почти не было. Может и правда морозам придется на полюсах жить. Так что ты, дружочек, помалкивай. А я пойду к плясуньям один. Если выйдет у нас дело Деду Морозу вместе посох повезем. – Домовичок похлопал по-отечески Тимошку. И хоть ростом они были одинаковые, разница в возрасте у них была дести восемьдесят лет, не меньше.

Попрощался учитель с учеником, собрал еды в дорогу, надел лыжи и отправился на самый Крайний Север. А зимой в Студенцах ночи длинные, бывает и солнце только покажется и тут же закатится опять за горизонт. Но Тимошка не грустил, ждал он полярных плясуний на небе и все придумывал, как они их посох волшебством наполнят.

Тем временем, добрался старичок Домовичок до края земли и увидел ледяной город полярных плясунов: все избы там изо льда, с резными ставнями, узорными наличниками, подзоры красоты не виданной, полотенце загляденье, а коньки на крыше один другого краше. «Вот это мастера резчики по льду тут живут! Научится бы чему! Ай, да для плясуны!» – восхищался Домовичок. А в центре ледяного града на широкой площади царский терем, а от него мост в небеса. И вот зазвонил колокол ледяного храма, выбежал народ из домов и как один все к мосту. Впервые старичок Домовичок видел так близко полярных плясунов: прозрачные голубые призраки с разноцветными переливами, словно сверкающие блики от звезд на снеге, летали они, не касаясь земли и на мороза-старичка, не обращали никакого внимания. Забирались на мост, а с моста прыгали на небо, брались за руки и водили хоровод, распевая так хорошо, что Старичок замер от счастья, так и стоял, задрал голову, пока шея не занемела. Долго танцевали плясуны, устал Домовичок, притомился с долгой дороги, зашел в сени царского терема никого: ни

стражников, ни дворовых. Прилёг тогда старичок на лавку и заснул крепким сном. Неведомо сколько проспал Домовичок, только проснулся он, а вокруг все так же.

– Люди добрые! Меня зовут Домивичком, из подземных морозов я, из Студенцов к вам пришел, – кланялся старичок, да никто как будто его и не видел.

– Эх, что ж делать-то! – досадовал резчик.

Прошел он в царские палаты, красоты невиданной, все из редкого лазурного непрозрачного льда (такой лёд создается природой несколько столетий, когда от собственного веса из него выходит воздух), будто сотня резчиков по льду тут трудилась, чтобы каждый лунный лучик, скользя по узору, преломлялся, и освещал цветным куполом своды. Царь и царицей такие же призрачные восседали на троне, беседовали на неведомом Домовичку языке, и как все остальные не замечали мороза. Раздосадовался старичок, приуныл. И тут снова раздался колокольный звон, и все полярные плясуны и плясуньи взявшись за руки полетели к мосту, да и Домовичок за ними. Ледяной мост, прозрачный как хрусталь, уходил высоко в небо, долго на своих коротеньких ножках карабкался по лестнице, пока не забрался так высоко, что город плясунов казался внизу точкой, огляделся старичок вокруг темно-синяя пустота, шагнуть боязно, тогда постучал он посохом, и оттого места кольца побежали, как по воде, тогда осторожно ступил Домовичок ногой, и правда, держит! Чудеса какие. И пошел, не спеша к хороводу, и чем ближе он к ним был, тем понятнее становились слова из песни плясунов.

*Где студеная зима,
Снега не тает никогда,
Там живут цветные сны,
Там танцуем вместе мы...*

И тут плясуны посмотрели на Домовичка, разомкнулся хоровод, подхватил кто-то старичка, и замелькало зарябило перед глазами!

– Здравствуйте, люди добрые! – прошептал старичок.

– Здравствуй, Домовичок! Здравствуй! Нам с небес все видно, давно тебя знаем! Знаем и зачем пришел к нам! – услышал он ласковый голос.

По очереди подлетали к нему призрачные плясуны и касались посоха, и он все ярче и ярче переливался, как полярное сияние.

– Спасибо! Спасибо! – низко кланялся старичок.

Вот и вновь звон колоколов, разлетелись плясуны, и старичок за ними следом, да куда там, разве догонишь. А когда спустился по лестнице ледяного моста. Глядь! Студенцы родимые! Оглянулся, а моста и след простыл. Это ж как это! Вдруг бежит ему навстречу ученик его Тимошка Заморожка!

– Домовичок! Я тебя увидел! Видел! Как ты с неба по изумрудной ленте полярного сияния спускался! Вот это чудеса! Как же это!? Ой-ой! А посох-то посох как сияет! Вот это да! – тараторил весельчак Тимошка.

– Устал я с дороги, Тимошка. Завтра! Завтра расскажу. Ты мне вот что скажи, какое нынче число?

– Десятое декабря! – подтирая нос длинным рукавом старого пальтишка с заплатами, шмыгнул морозик.

– Успеем, – улыбнулся старичок, – вот завтра и пойдем в гости к Деду Морозу, отдадим ему волшебный посох.

11 декабря

Снежана Морозовна

Далеко на севере в стародавние времена была деревушка Студенцы. И жили в ней морозы и морозинки молодые и старые. Жили не тужили, чай с сушками пили, хороводы водили. На краю деревни в добротной избе из широких ледяных сосулук-бревен жили батюшка Мороз, матушка Зима и их дети: Забавушка, Снежанушка, Иришка Холодрышка, Иван Буран и самый младший Тимошка Заморожка. Старшие ребяташки в школу ходили, ледяным наукам учились, а Тимошка дома всех дожидался, по хозяйству справлялся.

Как раз под самый Новый год пошла Снежанушка в лес пушистого свежего снега в перины и подушки набрать. Приглядела мягкий высокий сугроб, снежинки так и искрятся. Разбежалась морозинка и прыгнула в снег, и вдруг стала проваливаться, все глубже и глубже, перед глазами белым-бело ничего не разглядеть. Пытается Снежанушка

ухватиться, да рыхлый снег мягкий, не держит совсем. «Помогите!» – испугалась девочка-морозинка. Но никто не откликнулся так падала она и падала. И вдруг бух! Приземлилась, и кувырком покатилась с горочки. Глаза от снега очистила, головой крутит, и понять не может, где же она очутилась. Вокруг просторные высокие туннели из льда, а лёд светиться, светло как днем.

– Мур-мяу, – вдруг услышала Снежана из ближайшего сугроба, – Добро пожаловать! Давненько к нам гости не захаживали.

– Кто здесь? – насторожилась девочка, – Куда это я упала?

– Меня Снежинкой зовут, а тебя как?

– А я Снежана! – улыбнулась девочка, – Только где ты, Снежинка? Я тебя не вижу.

– Да тут, перед тобой в сугробе и сижу! Гостей поджидаю, заждалась совсем.

Снежанушка водила руками по сугробу, но сквозь пальцы цедился лишь снег.

Вдруг бугорок снежный приподнялся и увидела девочка белую-белую кошечку. Морозы кошек видели только у людей в деревянных избах, кошки же тепло любят.

– Ух, ты! Говорящая кошка!

– А мы снежные кошки и коты все разговариваем. Попала ты тридцатое царство подземных морозов – Вечную Мерзлоту. Живут тут морозы и морозинки низкого росточка, а на головах вместо шапок нас носят, снежных кошек. Так, что сажай меня на голову и пойдем гулять по городу. – промурлыкала Снежинка.

Снежана представила морозов с кошками на головах вместо шапок и давай хохотать.

– Тсс! – подставила свой пушистый хвост к губам девочки кошка, – Тихо! Тихо! В Вечной мерзлоте нельзя громко смеяться! Никто точно не помнит почему, скорее всего, чтобы ледяные туннели не потрескались. И разговариваем мы шепотом.

Снежана ущипнула себя больно, чтобы успокоится, осторожно посадила Снежинку на голову. Ощувив пушистую тяжесть на голове, девочка улыбнулась. Кошка хвостом заботливо стряхнула с плечей снег новой хозяйки и указала дорогу.

– Снежинка, а ты точно меня не разыгрываешь? – сдерживая смех, спрашивала Снежана.

– Ох! Не верит она! Подожди скоро сама все увидишь.

Туннель уходил далеко в глубь, пересекался с другими, и упершись в тупик, резко поворачивал. Наконец, Снежана со Снежинкой на голове пришли в огромный зал. Его ледяные своды исчезали в вышине, в отвесных ледяных стенах виднелись витражные окна, небольшие балконы и длинные петляющие лестницы. Завернув за угол, они попали на площадь, от которой, лучами разбегались улочки с ледяными домами. От белоснежного великолепия слепило глаза, хоть солнца по-прежнему Снежана не заметила. В холодном воздухе витали ароматы свежееиспеченных булок, кофе, диковинные запахи восточных пряностей. Снежана никогда раньше не пробовала ничего подобного, с любопытством разглядывала витрины кафе и магазинчиков. Вокруг сновали угрюмые гномы, одеты они были на европейский лад, и действительно, у всех на головах сидели снежные коты и кошки, и даже у малышей в колясках на головах разместились котята. Снежана, крепко зажала рот ладонями, чтобы не расхохотаться. Прохожие недоверчиво поглядывали на девочку, она была вершка на три всех выше, но каждый почтительно здоровался. Снежана старалась вежливо поздороваться в ответ или хотя бы кинуть. (Позже выяснилось все здоровались не с морозинкой, а с кошкой). В конце улицы девочка замерла перед широкой стеклянной витриной кондитерской.

– Что это? – спросила она у спутницы на голове.

– Пирожные, торты и печенья! – равнодушно ответила кошка.

– А можно мне попробовать?

– Если у тебя есть серебряные монеты, ты можешь купить что угодно, – промурлыкала Снежинка.

Денег у девочки-морозинки отродясь не водилось, морозы редко нуждались в деньгах, едят снег и лед, дома почти вся посуда, мебель из снега и льда, прядут и шьют снежную одежду. Всё что им нужно – снега и льда на Севере России в изобилии. Загрустила Снежана не отведать ей заморский угощений. Догадалась умная кошка о причине Снежаниной печали, и прошептала: «У меня на ошейнике серебряная монетка висит, бери, угощаю!» Обрадовалась девочка, погладила кошечку, поцеловала в бархатный влажный носик. «Спасибо, милая Снежинка! Спасибо!»

– Чего изволите? – вежливо поклонилась хозяйка кондитерской, а пышнотелая кошка на ее голове, свернувшись калачиком, слегка приоткрыла левый глаз, и снова задремала.

Снежана протянула монету, и кивнула в сторону прилавка.

– Вот это, – прошептала девочка, побледнев от смущения.

– Не из Студенцов ли вы, барышня? – прищурилась хозяйка.

– Да, из Стунедцов. – испугано пролепетала девочка.

– Должно быть знаете дядю моего старичка Домовичка? Он давно покинул наш город и перебрался к Морозам, домовым служить.

– Как же не знаю, – приободрилась девочка, – он у нас и живёт за печкой.

– Раз так, передавай большой привет от меня, Маруси. Пусть в гости чаще заходит.

А пирожные да торты морозы не жалуют, давай я тебя лучше мороженым угощу, – ласково улыбнулась Маруся, а снежная кошка на её голове облизнулась.

– Спасибо! – Снежане очень мороженое понравилось, она осмелела и стала расспрашивать Марусю, – Почему это все кошек вместо шапок носят?

Маруся долго поверить не могла, что Студенцах никто снежных кошек на голову не сажает, потому что тут в тридесятom государстве в Вечной мерзлоте уже три тысячи лет со дня его сотворения носят кошек на головах. А богатые дамы, даже надевают разных кошек по случаю.

– Рада знакомству, только мы подземный народ готовимся к большой Новогодней ярмарке, и некогда мне стоять без дела. Да и ты домой поспеши, пока тебя родители не потеряли, а тридцатого декабря приезжайте к нам на Новогоднюю ярмарку! Самый любимый праздник у морозных гномов!

– Маруся, а почему жители Мерзлоты в Студенцах не бывают? И морозы в Мерзлоту не заглядывают? Я ведь совершенно случайно сюда попала. – любопытствовала девочка.

– Входы в наше царство узкие для морозов, только дети, как ты, сюда попасть могут. А путешествует подземный народ на паровых машинах только по торговым нуждам. Очень они свое царство любят! Снежинка тебя проводит до вокзала. Счастливо! Вот возьми свою монетку обратно, купишь билет, – Маруся, медленно погладила кошку у себя на голове и слегка поправила свою чёлку.

– Всего доброго, – промурлыкала та, и широко зевнув, вновь погрузилась в дрему.

– До свидания, – попрощались Снежана и Снежинка, поблагодарили за гостеприимство и угощение и поспешили на станцию.

Девочка-морозинка слышала сказки про железных чудовищ, извергающих дым и пар, но увидела паровые машины в тот день впервые. Подземные морозы использовали небольшие паровозы, проложив пути по ледяным туннелям. Гладким черным котёл тягача блестел от чистоты, на нём возвышалась ярко-красная труба, а маленькая кабина едва вмещала одного машиниста, который на ходу подбрасывал в ледяную печь лёд. В красивом здании вокзала, высеченного во льдах, Снежана нашла окошечко с вывеской «Билеты».

– Здравствуйте, мне билет до Студенцов, пожалуйста, – вежливо попросила девочка и протянула монетку.

– К сожалению, в Студенцах нет остановки, но Вы сможете сойти на станции «Опушка», там три версты по лесу до Студенцов будет. Подходит?

– Да, спасибо, – улыбнулась Снежана, она хорошо знала округу, удивилась, как это раньше не замечала на опушке поездов.

– Ну, что пора нам прощаться, – грустно промурлыкала Снежинка.

– Снежиночка, милая, пойдем со мной. Будешь у нас в доме жить, снежные молоко и сливки из миски лакать. Любить тебя буду и лелеять, – упрашивала девочка, – А ещё не нужно тебе будет сидеть на голове будешь бегать и гулять, где тебе вздумается.

Задумалась кошка, завертела хвостом, спрыгнула девочке на колени, встала на задние лапки, передними уперлась Снежане в грудь, потерлась головой о подбородок и гулко проурчала: «Спасибо! Я с радостью с тобой пойду, Снежана!»

Путешественницы нашли перрон, указанный в билете, поезд, вагон номер три, сели на маленький, обитый бархатом диванчик у окна, четвертое место. Вскоре вагон заполнили и другие пассажиры, они с любопытством поглядывали на Снежану и её кошечку, которая разместилась на коленях хозяйки. Все кошки на головах озабочено замыкали, и такой балаган начался, что в вагон прибежал кондуктор и попросил Снежинку сесть на голову или предъявить второй билет. Снежная кошка ловко прыгнула на спинку дивана и с него осторожно перебралась на голову девочки, и, бросив на кондуктора надменный взгляд, отвернулась к окошку.

Станция «Опушка» была самой первой, как только паровоз с шумом и скрежетом выскочил из ледяного туннеля. Рельсы появлялись на снегу, словно отблески лунного света. Снежана с питомцем выпрыгнули из вагона прямо в пышный сугроб, и поезд тут же

исчез в чаще, укутанный белым снежным облаком, сверкающие рельсы за несколько мгновений разлетелись от дуновения ветра словно легкая поземка.

– Снежинка! Снежинка! – испугалась девочка, вдруг показалось, что сегодняшнее приключение ей приснилось. Но вдруг из сугроба высунулась милая пушистая мордочка снежной кошечки.

– Мяу! – отозвалась Снежинка, и девочка счастливо улыбнулась.

Выяснилось снежные кошки могут разговаривать только в тридесятom царстве, а на земле русской, как и обычные кошки, они только мяукают. Снежинка спустя пару месяцев окатилась, раздали котят соседям. С тех самых пор в Сунденцах живут кошки в избах, гуляют, где им вздумается, но по ночам по старой, видимо, привычке, ложатся хозяевам на голову.

12 декабря

Иван Буран

На самом севере земли русской была деревушка. Жили там морозы и морозинки, большие и малые, молодые и старые. Внешне очень похожие на людей, но холодной волшебной природы, каждую зиму ходили они по России матушке и остужали воздух, покрывали инеем ветви деревьев, рисовали на окнах ледяные узоры, покрывали льдом реки, щипали людей за носы и щеки, одним словом, служили во славу зимы русской.

На краю деревни в добротной ледяной избе жили батюшка Мороз, матушка Зима и их дети: Забавушка, Снежанушка, Иришка Холодрышка, Иван Буран и самый младший Тимошка Заморожка. Пока старшие в школу ходили Тимошка стал бегать к старичку Домовичку и резьбе по дереву и льду учиться. Спустя время славно у него получаться стало. И коромысло матушке с узорами сделал, и сестрам прялки. И захотелось старшему брату ремеслом овладеть. Долго думал Иван Буран к чему у него душа лежит, и надумал. Хочу говорит, ложкарем стать. Тут сестры со смеху прыснули, матушка Зима улыбается, батюшка Мороз брови кустистые серебристые хмурит. «Мол учись ледяным наукам! Будешь метели, бураны устраивать, зря что ли тебя Иваном Бураном назвали?» Эх, но разве морозца молодца переубедишь. И после школы зашел Иванушка к Емеле Пустомеле местному ложкарю и напросился в ученики. Емеля с радостью взял Ивана в помощники.

– Вот, запомни, Ванюша, каждый ложкарь свою ложку из тысячи узнает! – любил повторять Емеля.

На первом же уроке достал Емеля инструменты, и стал рассказывать:

– Это тесальный топор баклуши делать. Баклуши – заготовки из дерева для ложек. Как баклуша готова, берешь обрубальный топор, им оповязку вырезаешь, каждый мастер по-своему плечи у лопасти выводит, мне поуже нравится, – ухмыльнулся Емеля.

– А это что? – указал Иван на странный топор с корытообразным теслом.

– Это топор тесло! Видишь, лезвие полукруглое, это чтобы выемку у ложки или черпака делать. А потом резцом в аккурат луночку и выводишь, и ножом вырезаешь гладко и лопасть, черенок, коковку – круглое утолщение на конце черенка, можешь круглым, можешь гранями, я вот ровно шесть граней делаю. Мостик– гребень, часть, которая лопасть с черенком соединяет, она в самом слабом месте усиливает прочность, где ложка от лопасти к черенку переходит. На ручке-черенке узоры можно резные высечь. Ну, это уже для красоты! – провел рукой по пышным усам Емеля.

– Это же надо! Наука целая! – радовался Иванушка.

Месяц другой ходит Иванушка к ложкарю учиться, вот уже добрые ложки стали выходить, и сидит как-то мальчуган-морозец и стучит ложками.

– Емеля! Емеля! Какая веселая мелодия выходит! – И так задорно и лихо постукивает.

– Ай да, Иванушка! Ай да талант! – благодушно засмеялся Емеля и пустился в пляс.

В тот же вечер Иванушка устроил за ужином выступление. Застучал ложками, да в присядку, то по локтю, то по колену и в грудь! Стучать деревянные, стучат милые, и до того весело, что и сестры и сама Матушка Зима притоптывают, частушки поют. Забавушка старшая сестрица запела первая:

*У Мороза у Ивана
Ложки деревянные,
И не нужно нам баяна,
Песни стучит славные.
Ух!*

Иришка Холодрышка, кружиться, платочком машет:

*Наш Ивашка младший брат,
Смастерил нам ложки,
И теперь играть мне рад,
А я топну ножкой.
Ух!*

И Снежана схватила подол сарафана то носком, то пяткой по полу стучит.

*Ох, Иванушка Буран,
Доставай-ка ложки,
Нам не нужен барабан,
Хлопни мы в ладошки.
Бух!*

Матушка Зима не удержалась, развязала платок, на плечи накинула и с дочками плясовую.

*Ох, сыночек, мой сынок,
Миленький Ивашка!
Держи крепче черенок,
И стучи по чашкам!
Ух!*

Тимошка Заморожка в присядку. И так, и эдак ногами машет. Ох, удалец. Батюшка Мороз, стоит радуется. Вот оно счастье семейное. Морозы-то они хоть морозы, но и человеческое им не чуждо.

Долго ли коротко стал Иван Буран известным на всю округу ложкарём. И вырезал ложки и уж так затейливо мелодии стучал ими, что ни один праздник без него не обходился. Это уже после и балалаечник и гармонист в деревне появились.

13 декабря
Ледьян Смутьян

Жили-были на самом севере России матушки, в небольшой деревеньке Студенцы морозы и морозихи, морозцы и морозинки, и дети малые – ребята-морозята. Жили не тужили, реки льдом мостили, воздух студили! Морозы хоть похожи на людей, но совсем другой природы, морозной. Вот и трудятся во славу зимы русской.

И был в той деревне Смутьян Ледьян, малый да удалый, пас облачных коров над холодными водами северных морей (нынче зовутся эти моря Баренцовым и Белым). Каждое утро выводил Ледьян стадо на широкие морские просторы, летали неспешно облака над водой, слизывали пену морскую и брызги волн, наполняли брюхо. А к вечеру приводил стадо пастух в деревню, каждая корова на свой двор летела, хозяйки уже ждут кормилицу с ведром в руках, полотенцем через плечо. Доить будут. И давали облачные коровы душистый-пушистый парной-ледяной снежок. А из него морозы и сливки взбивали, и сметану и масло и творожок! Сами видите, никуда без коровы в хозяйстве.

А Ледьяна Смутьяном прозвали, смешной был случай. Как-то уснул пастух на своем снежном жеребце, свалился с неба и хотите верьте хотите нет, да прямо на крышу кареты самого царя. Правил тогда Дубак II, мороз либеральных взглядов. Но не о нем наш сказ. Крыша проломилась и упал недотёпа прям возле царя.

– Караул! – кричит Ледьян, – Где я? – ничего окаянный с испугу да спросонья не поймёт!

А царь и сам испугался не на шутку, и не мудрено, хоть ты и царь, а ежели тебе на голову с неба дурень свалится, так и язык прикусить от страха можно.

– Выпусти меня отсюда! – не унимался Ледьян, – облака! Облака мои где?

Царь хоть и либеральных взглядов был, да кто ж такое терпеть будет!

– Охрана! – кричит, – уберите этого олуха из моей кареты!

А кортеж и без того остановился, охрана тут как тут!

– Спросить-допросить что за мятежник смутьян на жизнь царя покушался?

Тут Дубак на небо посмотрел, там стадо облаков к морю летит, да и конь за хозяином спустился, царь-то поди учёный, смекнул сразу что к чему.

– Пастух? Ехал верхом на жеребце, уснул и свалился? Да уж, метко ты!

Тут и все вокруг сообразили, что произошло, и давай гоготать, так до вечера никто ехать не мог, кто на землю упал со смеху корчился, что до слез хохотал пока щеки не свело. А Демьян Ледьян, от стыда леденя, царю низко кланялся, извинился за беспокойство и скорей на коня и за коровушками, своими любимицами. С тех самых пор, звали его все Ледьяном Смутьяном.

Любил пастушок на дуде играть, и облачные коровы в музыке Ледьяна души не чаяли. Вот как-то сидел на острове Моржовце Ледьян на дуде играл, облака считал. А они рядышком все, у бережка летают, хвостами машут ледяных слепней отгоняют. И тут из моря выплывает дева морская. В длинном сарафане расшитым рыбьей чешуёй, так и блестит на солнце, переливается, волосы-водоросли в густую косу вплетены, сама прекрасна как рассвет, глаза как звездочки сияют, в волосах кокошник из раковин морских и жемчугах крупных.

– Здравствуй, пастушок! – Тихим голосом, словно шум прибрежной волны, так и зачаровывает, так и покачивает, морская девица!

У Ледьяна от изумления дудка из рук выпала. Влюбился молодец с первого взгляда.

– Кто ты? – дивится морозец-молодец.

– Я Ви́ла Моревна морская царица! Донеслась твоя чарующая музыка и до глубин подводного царства.

– Как же так? Разве под водой слышно? – не поверил пастушок.

– У подводного народа слух хороший, мы даже рыб слышим, – снисходительно улыбнулась царица.

– Завтра праздник большой, со всех морей к нам гости приедут, приходи и ты, подводный люд музыкой потешешь! А я в долгу не останусь, щедро награжу за услугу!

Поклонился Ледьян красавице, и клятвенно обещался быть завтра на большом пиру, да только в толк никак не мог взять, как ему под водой играть.

– Не беспокойся, Ледьянушка. Все устроят наши мастера, – утешила Ви́ла Моревна, взмахнула рукой на прощание и нырнула в пучину морскую.

Пришел в условленный час Ледьян на берег морской, под шубейкой косоворотка новёхонькая, пояс праздничный, как жених нарядился не иначе. Заиграл пастушок на

дудочке вышла к нему Вила Моревна морская царевна, а за ней появились над водой головы большущих пучеглазых рыб, хлопнули одновременно они хвостами по воде, и выплыл большой ледяной пузырь. Смекнул Ледьян, что нужно ему внутрь забраться, подтопил лёд с одной стороны и забрался внутрь, и уже изнутри, чтобы стенки ледяного шара прочнее были, поморозил, как можно крепче. Рыбы опускались на глубину, и шар с морозом, прикреплённый к массивным хвостам огромных рыб, медленно плыл за ними.

Ещё издали увидел морозец огни подводного города с домами из раковин и песка, с коралловыми деревьями, а на главной площади у ратуши с позолоченным куполом и длинным шпилем собралось морского народу видимо не видимо. Вила радушно улыбнулась музыканту и исчезла в толпе, под водой у неё срослись ноги в рыбий хвост, покрытой изумрудной чешуёй и между пальцами появились прозрачные перепонки, плыла она стремительно и быстро, изящно изгибая тело.

Расплывались морские гады, рыбы и русалки, пропуская ледяной шар. И отрылась вскоре перед Ледьяном удивительная картина: на небольшом возвышении стоял трон из гигантских морских раковин, за ним плавно колыхались длинные водоросли, уходящее высоко наверх, через них струились лучи далекого светила. На троне восседала Вила Моревна, её голову украшала вытянутая конусообразная раковина с пятью острыми зубринами. Рядом стояли стражи, в спиральных шлемах-раковинах – наутилусах, с острыми пиками и невозмутимыми прекрасными лицами, туловище и руки у них был тоже человеческие, а вместо ног рыбы хвосты. Одеты они были в серебристые кольчуги из рыбьей чешуи, и вооружены копьями с заострёнными моржовыми бивнями.

Вила взмахнула рукой, толпа разом посмотрела на пастушка в ледяном шаре. Царевна приветливо кивнула, и Ледьян догадался, что настало время его выступления. Заиграл пастушок на дудочке, замороженно слушали музыку морские обитатели. Не сдержался осьминог подбоченился двумя щупальцами, и пустился в присядку на остальных шести. Тут и рыбы закружились, и русалки поплыли хороводом.

Долго ли коротко плясал подворный народ, вот и пора пришла гостям честным на пир отправиться, а Ледьяну на поверхность, воздуха в шаре почти не осталось. Поблагодарила его Вила и подарила на память музыканту амулет с акульем зубом и шкатулку с крупным жемчугом.

– Спасибо, царевна, морская за щедрые дары, но мне всего дороже будет встреча с тобой! – признался юноша-морозец.

– А ты бросай по жемчужине в море, я и приплыву, где бы ты ни был.

Так и договорились. С тех пор Ледьян Смутьян, совсем не свой стал. По деревне морозихи сплетничали, уж не влюбился ли пастух? Ох, беда. Ведь не гоже морозам терзаться любовными муками, так и растаять можно.

Пас облачных коров исправно, и каждый день бросал по жемчужине в море, приплывала к нему Вила. Он играл на дудочке, она пела своим тихим нежным голосом, волны подхватывали их песни и уносили далеко на север.

И вот однажды, забросив последнюю жемчужину, Ледьян совсем от любви обезумев, решил Виле признаться в своих чувствах. И он ждал и ждал, а Вила так и не появлялась. На следующий день пришёл влюбленный морозец на место их встречи, заиграл на дудочке, но опять не пришла Вила. Сон потерял Ледьянушка, истосковался по возлюбленной так, что не выдержал, надел амулет на шею и бросился в воду. С берега его соседка Холодина видела, так и решила, что Ледьянушка айсбергом обернулся, как все потонувшие морозы, так и плавают по морям, ищет морскую царевну. Вот почему все облачные коровы, как заприметят айсберг, вокруг него кружат, не отвадить.

Но по секрету вам скажу, не так все было. Ведь у пастуха был амулет с акульим зубом волшебный. От него у Ледьяна в миг вырос акулий хвост и плавник на спине. Но об этом уже в следующей сказке.

14 декабря

Вила Моревна

Давным-давно хозяйка северных морей Вила Моревна полюбила пастуха Смутьяна Ледьяна. Ледьян был из морозов, что на людей внешне похожи, но морозной природы, ни стужи, ни холода не ведают, а от жара растаять могут. Да, что от жара, говорят, и влюбляться морозам сильно нельзя, от любви тоже тают. Так вот жили морозы в те времена по всей земле, где снег выпадал, зимами хозяйничали, а каждое лето в избах ледяных спали крепким сном. И их ледяные города и села были по всему северу Руси матушки. Ледьян пастушок сирота горемыка родом из деревни Студенцы, что в

Архангелогородской губернии. Пас каждый день Ледьян облачных коров над северными морями и играл на дудочке. Так музыка Ледьяна понравилась морской царевне, что выбралась она из пучины и морской и, увидев юного мороза, полюбила. Да и Ледьяну Вила Моревна приглянулась.

Встречались влюбленные на берегу моржового острова, пастушок играл, а царевна пела, любовались закатами, играющими в салочки волнами. Волны бурля и шипя перепрыгивали друг через друга, и брызгаясь, разбивались о прибрежные камни. Северный ветер подхватывал мелодию и нежный голос царевны и уносил далеко-далеко на полюс, где кровь от мороза в жилах стынет, и жил в этих бескрайних снежных пустынях лютый мороз отшельник, никто имени его не знал, никто рода его не помнил. Услышав песни красавицы Вилы Моревны, он отправился посмотреть на хозяйку чарующего голоса. Под его ногами воды океана сковывались в лёд.

– Здравствуй, старец-мороз! Ты зачем мои моря в лёд заковываешь, полыньи не оставив? Как же киты и звери морские будут воздухом дышать? Как подплыть им к далеко к берегу, где много рыб и крабов! – возмутилась царевна.

Ничего не ответил старец, он за сотни веков в одиночестве и речь позабыл. В тот же миг вода под Вилой Моревной заледенела и ледяной клеткой-каретой сделалась. Свистнул старец, явились к нему снежные кони. Запряг мороз снежных коней и увез морскую царевну в свои ледяные чертоги.

В тот день прискакал Ледьян к берегу моря, звал-звал возлюбленную – не вышла. Заиграл тогда пастушок её любимую музыку, но снова пуста и безмолвна морская гладь. Не стерпел молодой морозец разлуки, затосковало сердце, почуяв беду, бросил он в морскую бездну. Так уж заведено в природе, что не могут плавать морозы, утонув сразу превращаются они в айсберги, и плавают по океану, пока не растают. Вот и Ледьяна бы постигала такая участь, но только подарила ему Вила Моревна волшебный амулет с акульем зубом, и в нём великая сила заключалась. Сомкнулись холодные воды над Ледьянушкой, и тут же ноги его срослись в сильный гладкий акулий хвост, на спине вырос острый плавник, под рёбрами – жабры, а между пальцами перепонки. Не раздумывая, бросился Ледьян в подводный град во дворец Вилы Моревны. Плавал по опустевшим длинным коридорам, просторным залам с высокими потолками, наконец, нашел тётушку-нянюшку морской царевны.

– Где Вила Моревна?

– Ох, родимый ты мой! Похитил нашу благодетельницу злодей душегуб, утащил на полюс земной в ледяные чертоги, – утирая слёзы ответила нянюшка.

– Не плачь, милая. Без твоих слёз море солёное. Немедля отправляюсь за Вилой Моревной, и без неё не вернусь!

– Ах, как же это?! – только сейчас нянюшка узнала, что перед ней не морской юноша, а мороз из снежного царства!

Долго ли коротко добирался Ледьян по воде, но достигнув арктических льдов выпрыгнул на берег и в миг обернулся юношей морозцем, да ещё силушки богатырской прибавилось. Вскоре началась снежная буря, замела все пути и дороги, но любящее сердце не знает преград и сквозь завесу ледяных игл, услышал Ледьянушка родной голос и побрел сквозь пургу на зов.

В ледяных чертогах мороза отшельника в клетке, подвязанной к потолку, была заточена Вила Моревна морская царевна. Тихим голосом пела царевна грустные песни, а как только замолкнет красавица, похититель стучал посохом по дну клетки, раскачивая её.

Наконец злодей уснул на пышных снежных перинах, и царевна горько плакала. Вдруг слышит тихую музыку, да ведь это Ледьянушка – суженный её. Морозец быстро освободил любимую, а вместо неё в клетке сваял фигуру ледяную, точь-в-точь Вила Моревна. И влюблённые взявшись за руки, пообещали друг другу никогда не расставаться, убежали подальше от этих проклятых мест.

Старый злодей проснулся и глазам своим не поверил. Как же так: была живая девица, а стала ледяная. Подумал, что уморил-заморозил красавицу до смерти, горевал-горевал, да помер не то от горя, не от старости. Морозы – не люди, живут долго-долго, но всё же и их век конечен.

А Ледьянушка с тех пор поселился в царстве морском дружно да ладно с Вилой Моревной морской царевной. Жили они долго и счастливо! Может и сейчас, приложив ракушку к уху вы их песни услышите.

15 декабря

Мао Ндарин

В стародавние времена, когда Поднебесной правил великий Юй Сяхоу. В самой бедной фанзе провинции Чэнжъян жили крестьянин Муу́ и его жена Шей-Куа. Были они не богаты, но нежно любили друг друга. Своей земли у них не было, целыми днями крестьяне проводили на поле, взятом в аренду у богатого помещика Хэнь Ляна. Возделывали землю, сажали, собирали рис, и хоть крестьяне усердно и много трудились, каждый день им едва хватало на миску чумизы и кукурузную лепешку, потому что почти весь урожай забирал жадный помещик за аренду земли.

И вот однажды после засушливого лета, Хэнь Лян не пощадил соседей, забрав весь рис, что они собрали с поля, кроме одного зёрнышка, что застряло в складке мешка. Нашла его Шей-Куа и заплакала. А причиной её горя было не только недостаток еды, долгое время небеса не посылали им ребёнка. И когда её слёзы упали на раскрытую ладонь с зёрнышком, оно стало увеличиваться, и росло пока не стало размером с мизинец.

«Вот это да!» – удивился муж, – «Давай сварим его, может удастся хоть немного утолить голод!»

Но таинственные предчувствия не позволили Шей-Куа согласиться с Муу́ и она закопала семечко под окном своей фанзы. И на утро едва солнечные лучи коснулись соломенных крыш, из земли показался росток. И он рос и рос на глазах изумлённых крестьян. И уже к обеду счастливая Шей-Куа поливала свежей родниковой водой маленькое дерево. К вечеру того дня к фанзе Шуу́ и Шей-Куа пришла посмотреть на чудо вся деревня. Слухи дошли и до Хэнь Лянь, завистливый помещик сразу предложил выкупить дерево за мешок риса. Он знал о нужде крестьян. Но ни Шуу́, ни Шей-Куа не пожелали расстаться с чудом.

Ночью луна коснулась своим призрачным светом ветвей деревца, и на них появились серебристые цветы, похожие на маленькие звездочки. А утром Шуу́ и Шей-Куа проснулись от волшебного пения редких птиц, которые слетелись отведать восхитительного нектара. Сердца мужа и жены наполнились радостью, а Хэнь Ляна захлестнула безжалостная зависть. Жадный помещик потерял сон и аппетит. И уже предложил за дерево соседям шесть серебряных монет, но Шуу́ вежливо отказался, сославшись на то, что не может расстаться с деревом, которое выросло из слёз его любимой Шей-Куа.

Через день на деревце появились чудесные круглые зелёные плоды. «Яблоки!» – ликовала Шей-Куа. Но солнце хорошо знало эту бедную семью, каждый день оно жгло их спины на поле, и даже Светило решило помочь беднякам. Яркие лучики спустились к деревцу, и солнечным теплым золотом окрасили плоды. «Солнечный яблоки!» – расплакались от счастья бедняки Муу́ и Шей-Куа, вернувшись с работы и увидев оранжевые фрукты. Вечером один плод упал на землю, и крестьяне решились его отведать. Аккуратно сдернув мягкую ароматную кожуру, они добрались до освежающих долек сочного сладкого фрукта, вкуснее которого никогда ничего не ели. Кожуру Шей-Куа бережливо положила в соломенную шкатулку.

Тем временем Хэнь Лян отправился к императору, чтобы сообщить что крестьянин Муу́ и его жена скрывают от налогов волшебное дерево с восхитительными плодами, грабя императора и очерняя его честь! Юй Сяхоу был мудр и великодушен, сразу распознал зависть и жадность в черной душе помещика, но велел наградить доносчика золотой монетой и поблагодарил от лица всей империи.

Собрав небольшое войско для охраны, император Юй сам отправился посмотреть на золотые яблоки солнца. Муу́ и Шей-Куа были польщены и испуганы появлением столь высокого гостя. Крестьяне сразу догадались о причине его визита, из прекрасных, грустных глаз Шей-Куа потекли хрустальные слёзы.

– Почему ты плачешь, женщина? – почтительно спросил император.

– Я знаю, зачем Вы приехали, государь. И мне будет тяжело расстаться с чудом, что подарили нам Земля, Луна и Солнце.

– Мне жаль, что от богатых людей, обладающих властью, ты видела только зло, милая Шей-Куа, но я приехал предложить Вам работу садовников в главном императорском саду. Вы сможете вырастить много чудесных деревьев, чтобы к Новому году в каждой фанзе на праздничном столе были золотые яблоки солнца!

Муу́ и Шей-Куа обнялись, и расплакались ещё пуще, но на этот раз причина их слёз заключалась в счастье. Настал конец их голодным дням, и начало счастливой жизни. Деревце крестьяне руками выкопали и пересадили в золотой горшок и отвезли в императорский сад, где с тех пор жили счастливо и сами. Только это не все чудеса, что случились с ними. А об этом читайте в следующей сказке.

16 декабря
Император Сит Ру Ус

У бедного крестьянина Муу́ из провинции Чэнжъян и его жены Шей-Куа выросло необыкновенное дерево, которое за ярко-оранжевый цвет его плодов называли золотой яблоней солнца. Позже мудрейшие мужи всей Поднебесной дали ему название мандариновое дерево.

Когда император Юй Сяхоу пригласил семейную пару во дворец и предложил службу императорских садовников, выделив небольшой, но уютный домик-сыхэюань, многие читатели сочли бы счастливой концовкой, но волшебство только начиналось...

Спустя пару лет из косточек мандаринов Муу́ и Шей-Куа высадили в императорском саду полсотни деревьев. Росли они не так быстро, и приравнялись к священным, а садовники пользовались большим почетом во дворе. А главное дерево поставили в центральный зал возле трона самого императора и прозвали деревом-императором Си Тру Ус.

Муу́ и Шей-Куа больше не голодали, и богатели с каждым годом, в доме появилась мебель, спали они не на старых циновках, брошенных на пол, а на низеньких деревянных топчанах. Но в их сердцах жила глубокая грусть, у них по-прежнему не было детей.

Как-то раз в канун Нового года Муу́ подарил жене алую шелковую ленту для кос. И Шей-Куа решила положить её на ночь в соломенную шкатулку. Открыв её, женщина ахнула. В ней спал крохотный круглый человечек в оранжевой одежде. От испуга Шей-Куа чуть не выронила шкатулку из рук, к счастью, она вовремя опомнилась и аккуратно поставила шкатулку на стол. Человечек тем временем проснулся, широко зевнул, и ласково улыбнулся садовнице.

– Здравствуй, малыш! Кто ты? – сердце бездетной женщины kloкотало от счастья.

– Разве ты не узнала меня, мама? – тоненьким голоском спросил человечек, – Орощённое твоими слезами семя дало росток, из ростка выросло дерево, на дереве расцвёл цветок, птицы и пчёлы опылили его, из цветка вырос фрукт, ты почистила его, съела мякоть, а кожуру оставила! Вот из кожуры-то я и появился, – человечек вскочил и на тоненьких ножках запрыгал-заплясал на ладони у Шей-Куа.

Вернулся с работы муж, а жена ему и говорит: «Милый Муу́, не увидишь ты больше моих слёз, ибо послали нам небеса самое великое чудо из всех чудес на свете!» «Да, говори уже, жена, что случилось?!» – не вытерпел Муу́. Тогда Шей-Куа протянула руку, разжала кулак, а на ладони сидел круглый человечек, уж очень похожий на мандарин. Я назвала его Пу-Тоун-Хоа – мандарин, как дерево, на котором он вырос. В тот же миг садовник ощутил невообразимое счастье, обнял жену, и поцеловал кроху сына в маленький колпачок с листиком.

Зажили с тех пор садовники счастливо, души не чаяли в Пу-Тоун-Хоа. Спал малыш в соломенной шкатулке, а укрывался шёлковой лентой. Но никак не скрыть простым людям большую радость от черных завистливых глаз, и стал советник императора Сие-му следить за Шей-Куа. После праздника женщина собрала кожуру всех фруктов, которыми угощали дорогих гостей, и унесла в свой дом. А на утро следующего дня советник, подглядев в окно дома садовника и его жены, увидел странных существ, похожих на фрукты мандарины с ручками и ножками. Сие-му не поверил своим глазам, и спотыкаясь, побежал докладывать императору.

– Светлейший, жена садовника Шей-Куа ведьма! Её опасно оставлять во дворце столько близко к твоей драгоценной особе. Вчера я проследил за ней, после праздника она собрала кожуру от мандаринов, а сегодня она оживила их.

Не первый раз мудрый Юй Сяхао слышал доносы на добрых людей, но к чудесному дереву все привыкли, и теперь императору стало любопытно и очень захотелось увидеть новое чудо, и он тотчас же отправился к дому садовника лично. Злой советник Сие-му уже потирал руки, он давно проникся неприязнью к простаку садовнику и его жене, считал, что несправедливо они получили благосклонность императора, и не ему Сие-му из знатного благородного рода пить чай на воскресных церемониях с крестьянами.

– Как же так, крестьянин Муу́, – обратился император с порога, – я пожаловал тебе дом, почетную службу, а ты не сообщил мне о новом чуде!

– Прости, Светлейший. Мы просили небеса о ребёнке долгие годы, и наконец, наши просьбы были услышаны. Пу-Тоун-Хоа не обычный мальчик, но мы безмерно счастливы, что у нас теперь дети! Вот буквально пару часов назад у нашего сына

появились сестры и братья, – низко поклонился садовник, но счастливая улыбка не покидала его лица.

И тут к императору и его свите вышла Шей-Куа не менее счастливая, чем её муж, а за ней бежали волшебные существа. Тут же все вокруг ощутили прилив любви, счастья и сострадания к окружающим. Даже зловредного Сие-му покинула зависть и обида, и его черствое сердце, наконец, почувствовало радость.

Император поклонился малышу Пу-Тоун-Хоа, и спросил отчего так хорошо и радостно всем вокруг?

– Мы ндарины – духи Нового года – служители великого императора Си Тру Уса, что растёт в золотом горшке рядом с твоим тронem. Ежегодно в канун Нового года в каждом доме, в каждой фанзе по всей Поднебесной, где люди едят золотые яблоки – мандарины, появляемся мы и дарим праздничное настроение! А после праздника мы исчезнем, и вернемся лишь через год! – объяснил малыш.

С тех пор цитрусовые деревья мандаринов были объявлены Новогодними деревьями Поднебесной! Исполнилась воля и мечта императора – в каждом доме на праздничном столе в канун нового года в фруктовой вазе вы найдете мандарины, и от их аромата и вкуса, в вашем жилище появятся волшебные невидимые существа, наполняющее сердце радостью.

– Значит, вы скоро исчезнете, и мы увидимся лишь через год, – с грустью спросила Шей-Куа у маленького сына и его многочисленной братии.

– Да, но тебе некогда будет грустить, судя по твоему округлившемуся животу, уже через полгода ваш дом наполнится криком и смехом младенца! – Пу-Тоун-Хоа засмеялся и исчез, а растерянная женщина в изумлении погладила живот и расплакалась, но уже от счастья!

17 декабря
Сунь Сы-Мяо

Было это давным-давно, когда Поднебесной правил воинственный император Ян Ли. Его красавица жена умерла, оставив прелестную дочь Линь Ми. Отец не чаял души в

девочке, но, поговаривали, что злая ведьма наслала злых духов, чтобы известить дочь императора болезнями. Ян Ли призвал к себе всех самых лучших медиков и алхимиков Поднебесной, но никто из них не смог вылечить девочку. И вот однажды возвращаясь из военного похода Ян Ли встретил путника. Старец собирал травы и селитру, похожую на хлопья снега.

– Зачем тебе это? – спросил изумлённый император.

По дорогим одеждам и большой свите старец сразу понял, что перед ним важный господин, но он не спешил с ответом, ибо был тот отшельник – известным целителем и алхимиком Сунь Сы-Мяо, который ходил с тележкой и банками по селениям и лечил бедняков.

– Травы я собираю, чтобы делать лекарственные отвары и мази, а минералы нужны смазывать раны и прогонять злых духов, вызывающих болезни и неудачи, – учтиво ответил Сунь Сы-Мяо.

– О! прошу тебя, мудрейший, помоги моей дочери. – Ян Ли, спрыгнул с коня и низко поклонился старцу, – Я потерял жену, и не вынесу, если что-то случится с Линь Ми.

– Я вылечу вашу дочь, – пообещал Сунь Сы-Мяо, – ждите меня во дворце в канун Нового года.

До самого великого праздника Поднебесной оставался месяц, и счастливый Ян Ли, учтиво поклонившись целителю в знак прощания и благодарности, запрыгнул на коня и поскакал на полном ходу к дому, окрылённый надеждой!

В канун Нового года придворные алхимики уже разожгли костры. По традиции именно огонь и шум прогоняют злых духов, которые являются к людям в Новогоднюю ночь, чтобы спугнуть удачу. Вдруг у ворот показался старец с небольшой тележкой, запряженной ослом. Он представился Сунь Сы-Мяо и его приняли с почестями.

Сунь Сы-Мяо бросил в костёр горсть чёрного порошка, и пламя с треском подскочило до небес, а старца окутал клубящийся дым с едковатым запахом! В это время из-под кровати юной принцессы выполз густой черный туман, напоминающий призрачного паука. И перебирая восемь мерзкими мохнатыми лапами, убежал прочь от дворца. Тогда алхимик подошёл к следующему костру и поставил в него бамбуковый стебель, наполненный черным порошком. Стебель резко взметнулся в небо, оставляя за собой искры, и разлетелся в небе тысячью ярких звёзд. Придворные и император на время

лишились дара речи, но когда гром стих и мерцающие звезды погасли, все заликовали, а из комнаты девочки выползи отвратительные гады – злые духи, вызывающие болезнь: это были ящерица, змея и жаба. Они уползали в далёкие болота, шипя и скалясь, Сунь Сы-Мяо улыбнулся. А Линь Ми открыла глаза. Тогда целитель дал дочери императора выпить отвара, и поднёс длинную тонкую металлическую иглу, обсыпанную наполовину серебристыми крошками, к свече. Огонёк перескочил на иглу, и она с треском заискрилась, крошечные яркие звезды разлетались в разные стороны. Это было восхитительно, девочка от радости захлопала с ладоши и засмеялась, и в это время из-под подушки вылез маленький черный призрак. Это был последний посланник злой ведьмы – скорпион. И Линь Ми навсегда излечилась. Ибо в Новый год пришли в императорский дворец долгожданные здоровье, богатство и удача, и никакое зло их не спугнуло в ту ночь. Император Ян Ли помолодел от счастья, даже седина на висках исчезла, он щедро наградил старца шёлком и золотом, предложил должность придворного медика. Но Сунь Сы-Мяо вежливо отказался, ибо поклялся себе, лечить людей независимо от их достатка, и изучать свойства трав и минералов, которые дает нам земля. И уже на следующий день мудрец покинул дворец на той же тележке, только ослик был откормлен досыта и еле переставлял ноги.

Но с тех пор по всей Поднебесной алхимики по секретному рецепту изготавливали из пороха фейерверки, и яркими салютами и весёлыми криками отпугивая злых духов, приносящих болезни, встречают Новый год и по сей день.

18 декабря

Михаил Сосульевич Снегов

Давным-давно на севере России стоял на берегу Баренцева моря город неопикуемой красоты – столица городов и сёл русских морозов Санкт-Леденбург. Морозы особые существа, по внешнему виду схожи с людьми, но другой, ледяной природы, а потому обычно невидимы для глаз человека, и живут они только в северных краях. Дома у морозов из льда, выдыхают морозы холод, были среди них и князья, и простой люд, даже царь у морозов имелся самый сильный мороз. Приходил к людям в крещенские недели, и работал не покладая рук во славу зимы русской пуще всякого, ибо по силе и

ответственность. Все морозы свободные и миролюбивые, жили они своим малым счастьем. И каждый год в середине зимы съезжались они со всей России на празднование Нового года в столицу, чтобы полюбоваться потешными огнями, ибо зрелище это было небывалое. Только представьте, в темном небе загоралось множество разноцветных огней, иногда они сходились в удивительные картины: то фрегат с тремя мачтами, вздутыми от ветра парусами, то дракон, извергающий алые искры из пасти, то жар-птица, взмахивала крыльями, заслоняя весь город. А забаву эту стали проводить по приказу царя Дубака Первого, и приобрела она такую славу, что все от мала до велика, на бричках и в каретах, пешком и верхом съезжались в столицу.

Вы наверняка, знаете, что люди изобрели порох в Китае в VII веке, а первые фейерверки порадовали зевак спустя несколько столетий в XII. В России мастера фейерверков появились в конце XVI века, а первый крупный фейерверк устроили в Великом Устюге в 1674 году по приказу царя Алексея Михайловича Романова. Вот и царь морозов русских Дубак I увидев салют в Устюге, захотел своих поданных порадовать. Но морозы с огнем не шутят и дел никаких не имеют, ибо тают от жара и тепла, а по сему, разослал указ Дубак по всем селениям, найти знатока и умельца, кто сможет из ледяных огней, создать затейливые фейерверки к празднику.

Получили царский указ и в Мишанинской деревеньке, Архангелогородской губернии. Рос в Мишанинской у крестьянина Сосулия Снегова смекалистый сынок Михайло. Бывало, пойдет рыбачить с отцом в Белое море, и все допытывает: «А почему морозы живут только на Севере?», «А почему морозы тают от тепла?», «Почему морозы все лето дремлют?» «А ежели устройство сделать, чтобы холодило, и не пропускало тепло, можно ли тогда летом не спать?». «Почему люди топят свои печи огнем, когда холодно, а морозы топят печи в теплые дни, чтобы воздух в ледяной избе остудить?» Сосулий добрый был мороз, но в крайнем невежестве воспитанный, оттого часто на вопросы сына «отвечал» щедрым подзатыльником, мол нечего умничать, молчи лучше – рыбу распугаешь! А интернета и поисковых систем тогда не было, и знать не знали о них, даже библиотеки в Мишанинской деревне не сыскать, так что приходилось маленькому морозу самому догадываться, свои гипотезы и теории придумывать.

Как увидел Михайло царский указ, обрадовался. «Вот поеду в столицу, буду там морозным наукам обучаться,» – мечтал морозик. И стал думать, как из ледяного огня

получить вспышки. Матери у морозика не было, а мачеха была злой и завистливой, нагружала Михайло работами, ругала на чём свет, а своего сына Петрушу холила и лелеяла. Целыми днями морозец на печи ледяной лежал, леденцы сосал. Эх.

Михайло наблюдал за природой внимательно, подмечал закономерности, ведь всегда после зимы шла весна, за весной неизменно приходило лето, затем осень и снова зима. Любил морозик и за людьми подглядывать, близко к людям отец не разрешал подходить. Опасно. Но забравшись на высокую ель, Михайло в самодельный бинокль с любопытством следил за ними, всё-всё подмечая. Особенно интересно ему было, как люди огонь добывают и почему от холода мёрзнут. Вот однажды натаскав воды, наморозив сосулек и наколов их на щепки для печи, пришла на ум ему догадливая мысль, что ежели бросить в печь со снегом минералов каких? Интересно! Но каких, вот ведь в чем вопрос. Отправился Михайло в соседнюю деревню – Студенцы, расспросить о морозных гномах, которые живут под снегом и землёй. Морозы с ними виделись не часто. Подземный народ редко выбирался на поверхность. Но поговаривали, в Студенцах, жил бок о бок с морозами старичок низенького роста, и Матрёна Позёмкина подозревала, что из подземных он. Вот Михайло Снегов, натянул старый отцовский полушубок, валенки, котомку с краюхой хлеба и отправился пешком через лес в Студенцы.

В лесу Михайло заплутать не боялся. Мох он приметил всегда с северной стороны деревьев растёт. А потому к вечеру того же дня прибыл морозик в Студенцы, и напрямик в избу своей тётки по матери Матрёне Позёмкиной направился. А она его к Старичку Домовичку отвела, в землю оба поклонились.

– Доброго здоровьишка, Старичок Домовичок. Вот племянник мой Михайло из Мишанинской деревни пришёл тебя спросить, знаешь ли ты чего про миралы какие?

– Минералы! – поправил Михайло.

Старичок в бороду усмехнулся, кивнул.

– Вот именно, что! Минералы! Каменья что ли? Не в обычаи у морозов любопытствовать, так я не из любопытства, ты давно в Студенцах живешь, никто не спрашивал, правда что ли, ты из этих?

– Каких этих, Матрёна? – улыбаясь переспросил старичок.

– Каких, каких? Из подземных морозов?

– А этих! Да, родом я из Вечной мерзлоты, так ведь и по росту моему понятно. Вы местные морозы высокие, статные, а мы подземный народец приземистый, – вежливо разъяснил старичок.

– Так я и знала! Вот ведь знала я! – Матрёна даже хлопнула руками по своим круглым широким бёдрам.

– А я и не скрывал никогда, – пожал плечами старичок, – Буду рад, Михайло, помочь тебе советом. Что тебя интересует, сынок?

Морозик сжимал в руках шапку, потупился в пол, выдохнул для смелости и начал свой рассказ:

– Тут давеча указ царский вышел, ищет государь знатоков пиротехнического дела! Как у людей, только чтобы с нашим... ледяным огнём работало! Я бы очень хотел помочь царю, глядишь, возмущаются меня светлые умы отечества учить, и я в столице науками заниматься буду.

– Похвально, Михайло! Молодец. Пойдем в амбар, покажу тебе свою коллекцию минералов. Возьмешь себе для экспериментов какие захочешь! Я ведь почему покинул родной город? Было мне интересно как этот мир устроен! Так что твои порывы поощряю! – в глазах старичка блеснули искорки.

С тех пор прошёл может месяц, а может другой, того гляди весна скоро, торопится Михайло. И наконец, получился у него такой взрыв, что всю печь в избе разворотило. Ох мачеха кричала, лютовала, из дому морозика выгнала: «Чуть моего Петрушу не убил, окаянный! Как хочешь, разбойник! А летовать в сарае будешь, и не моя забота, коли растаешь!» Отец тем временем далеко в море был, иногда морозы лето на полюсе проводят. Некому за Михайло заступиться. Что делать морозику, взял свои пожитки, записи, минералы и напрямиком в столицу.

Никогда ещё Михайло не видывал красоты такой: мосты, статуи, дома высокие, лестницы, фонтаны и дворцы, улицы уложены ледяной плиткой, квадратик к квадратику. Михайло даже присвистнул от радости! Прибыл крестьянский сын во дворец.

«Доложите батюшке царю, прибыл по его указу молодой учёный Михаил Сосульевич Снегов! Нашёл я рецепт ледяного пороха!» – доложил он при входе. Дворецкий, пажи и прочие слуги зашептались, засуетились, кто-то торопливой походкой поспешил по широкой винтовой лестнице в кабинет государя. А Михайло дивится, и

одежды у столичных морозов причудливые, и обувь с каблучками, на голове не то прическа смешная, не то парик с завитушками и косичкой. Стены дворца красиво украшены картинами, лепниной, скульптурами. Статуи стоят обнаженных тел, ох, срамота! Посмеялся Михайло. Но потом-то он понял, конечно, что не срамота это, а искусство! Но, откуда ему тогда это было знать! Первый раз в столице!

После приема у царя с видными государственными мужами и учёными, приняли Михайло в академию за его пытливым ум и светлые идеи и открытие рецепта ледяного пороха. И стал спустя годы Снегов одним из величайших ученых морозов России, основателем университета морозных и ледяных наук в столице. А любимой забавой морозов на новогодние праздники с тех самых пор неизменно стали огненные потехи – снежные фейерверки!

19 декабря

Трескун Студенцов

Давным-давно на Севере России была деревушка Студенцы. Жили в ней морозы большие и малые, крепкие и слабые. Добротные ледяные избы, терема с узорной резьбой украшали холмы у Белого моря. Неподалёку находилась фамильная усадьба князей древнего морозного рода Студенцовых. Поговаривали, что первый князь Студенцов самолично построил свой терем, а для стен смастерил нетающие ледяные кирпичи и широченные сосульки, в диаметре с вековую секвойю, не меньше.

Потомок великого князя – Трескун Студенцов, женившись на морозихе царских кровей, вернувшись из столицы, поселился с семьей в фамильном имении. И стали в Студенцы заезжать знатные морозы. Хотя и без того славилась деревня на всю Россию мастерами и ремесленниками. Жил там и талантливый кузнец Тимофей Мерзляк. Вот и решил князь Студенцов порадовать самого царя подарком – каретой! Тимофей смыслённый молодец, работы не боялся, согласился карету для царя смастерить. Попросил кузнец книг про устройство механизмов, хотелось ему ничего не упустить, и сделать лучшую в мире четырёхколёсную карету. Привезли ему книги и учебники.

Долго думал Тимофейка, как рессоры сделать упругими, чтобы не трясло пассажиров на кочках. Как же сделать карету быстроходной и по дорогам и по снегу.

Думал-думал, и придумал хитрую штуку. Заказал у плотника широкие полозья, поставил на колёса крепления, фиксирующие колесо, чтобы не вращалось, и так же они предназначались для крепления кареты к лыжам. Что превращало карету в сани, и лошадям по снежной дороге куда легче становилось их везти. Очень Тимошка своей работой гордился. Односельчане с радостью приходили помогать: карету Тимофея испытать. Катал Тимошка в царской карете всех желающих.

– Удобная бричка вышла, вот еже ли бы конструкцию облегчить? Скорость бы увеличилась! – хлопал по лечу Тимошку отец Колотун Морозович.

Тимошка рассердился сначала, заподозрив в словах батюшки упрёк. Но успокоившись, стал думать, как удобство с лёгкостью совместить? Поблагодарил за дельный совет. Так придумал Тимошка откидную брезентовую крышу на металлических прутьях. «Вот так потеха!» – хохотали девицы морозинки, когда катаясь, на полной скорости морозный воздух трепал их косы и румянил белые щеки.

– Ай да, карета-сани! Ох, голова ты Тимошка, голова! И детали все четко выполнены, и руки у тебя, кузнец, золотые! Не стыдно царю подарить! Во всем мире такую не сыскать! Молодец, Тимофей Мерзляк! И правда ты мастер своего дела! Я тебе не безмен, я тебе пуд мандаринов из столицы привезу! Всех родных угостишь! – радовался князь Трескун Студенцов, получая заказ.

Тимошка шапку к груди прижал, кланяется, улыбается. Ещё бы, так старался, и вот труды оценили.

Поехал князь в карете в столицу напрямик через горло Белого моря. Белое море, хоть и без теплых течений, но на зиму целиков не оковывается льдами, замерзая лишь частично. По самому узкой его части поморские морозы проложили ледяную дорогу до столицы. Ехал князь, любуясь белоснежными просторами до самого горизонта, проезжая мимо кромки, засматривался на отколовшиеся льдины, покачивающиеся у края. На берегу моря, недалеко от человеческого посёлка Стрельна, было и поселение морозов под названием Зимск. Уютный уездный городок с почтой, земским учреждением, судом и больницей. Ещё издали с холма, едва смог различить Трескун Студенцов маковки храма, услышал резкий звон колокола. Слева от города полз по земле хищным змеем чёрным дым.

– Пожар! – в ужасе прошептал князь, и припустил породистых скакунов.

Вскоре вся дорога погрузилась в мрак, едкого густого дыма, и князь, наткнулся на перевёрнутые сани, рядом с ними стоял растерянный молодой мороз, в круглой шапочке, с чемоданчиком и тростью. Пальтишко его было распахнуто, из-под него виднелся изысканный костюм и безупречно белый накрахмаленный воротничок. Мороз нервно поправлял очки, и беспомощно бегал вокруг саней размахивая руками. Сани перекошились, даже если поставить их на полозья снова, поехать на них никак нельзя-с.

– Эй! Сударь! – окликнул его князь, – садитесь скорее, подвезу.

– Ох! Спаситель вы мой, голубчик! Спасибо, – лепетал мороз. – Доктор я, из Зимска. Пожар в лесу, торопился спасти дровосека и сынка его. А сани, вон, сами видите! Милейший, мне пострадавших очень найти надо! Понимаете, не могу без них вернуться! У самого эпицентра пожара оказались, жар-то какой. Мы и сами растаять можем! – вздохнул доктор.

– Куда ехать? – решительно спросил князь, только сейчас он ощутил нестерпимый жар, и влагу на коже.

– Туда! – вытянул указательный палец на узкую тропу в лес, в дали уже показались алые языки пламени, – Спасибо! Спасибо. Ох, я же не представился, зовут меня Евстигней Петрович.

– Хм, имя у вас Евстигней Петрович, странное какое-то! – щурясь от дыма, пробормотал князь.

– Человеческое? Да, маменька моя актриса, возвышенная натура. Ко всему подходит с выдумкой. А батюшка покойный, из учёных. Дед мой, пятнадцать языков знал, среди них семь языков южных народов, где морозы никогда и не бывали. Самоучка он, по книгам выучил.

– Интересно. А я Трескун Студенцов.

– Ох, счастье что мы встретились. Непременно нужно спасти морозика! – Доктор размахивал руками, отгоняя клубы черного тяжелого дыма.

Лошади в ужасе неслись, как ветер, сани ехали быстро и скоро, но снега становилось меньше. Наконец, князь, притормозил и соскочил с козлов.

– Помогите, любезный, – крикнул он.

Доктор, немедля, помог отцепить полозья, прикрепили их в выступы под каретой, и покатилась, покачиваясь, на колесах карета по каменистой дорожке. Евстигней Петрович достал из чемоданчика голубую жидкость и обрызгал лицо и руки спутника.

– От жара, это от жара, не противьтесь, умоляю, для вашего блага! – уговаривал он князя.

И правда, почувствовал мороз, как кожа подсохла и зрение стало чётче. Казалось тропка сужается и с двух сторон на путников надвигается полчища дымящиеся сосен. Вдруг из горящего леса вышел на тропинку, и побрёл им на встречу мороз, на руках он нес сына. Сам шёл покачиваясь, из последних сил.

– Сюда! Сюда! – отчаянно закричал Евстигней Петрович! – Нашли их! Нашли!

Дровосеку помогли взобраться в карету, доктор тут же напоил пострадавших темно-синей микстурой, намазал лицо и руки липкой голубой мазью. Князь, потрясенный случившимся, не теряя ни секунды, правил карету обратно на дорогу. Лошади фыркали, и брыкались. Можете представить страх несчастных животных, снежные лошади больше обычных боятся огня. Но Студенцов их обрызгивал исцеляющей морозящей жидкостью прямо с козлов, как велел Евстигней Петрович, и они мчались прочь от полыхающей стихии.

Вдали от пожара, прикрепили на карету полозья, и полетели саночки к Зимской больнице.

– Жить! Будет! Крепкий морозик! – радовался доктор. – Если б не Вы, князь, и карета ваша, пропали мы! Ох, интересное устройство! И кони добрые.

– Да, кузнец наш придумал! Гений инженерной мысли, – с гордостью рассказывал Трескун Студенцов, – Самому царю вез в подарок, – добавил он, глядя на перепачканную сажей карету.

– Вы не переживайте! Так мы в раз почистим, блеснуть будет, как-ак но-новенькая! – немного заикаясь, пообещал доктор, протирая дверцу носовым платком.

– А я не переживаю совсем, Евстигней Петрович. Я вот думаю, на что царю такая карета? Как часто он морозам жизнь спасает? Хочу вам, – Трескун Студенцов, погладил свою густую бороду, пристально посмотрел на добродушного собеседника, – Точнее вашей больнице, хотел бы я эту карету-сани подарить!

– Да, что Вы! Ах, спасибо, голубчик! Спасибо, милый князь, – Евстигней Петрович бросился пожимать руку Студенцову.

– Бросьте, бросьте, доктор! Вам она куда нужнее. Скорость в медицинском деле очень важна! Бегите же, Вас больные, наверное, ждут.

– Верно, верно! Я вам письмо напишу в Студенцы, как морозик выздоровеет! Непременно!

– Да, да! Буду ждать! Спасибо.

– До свидания!

– Прощайте, Евстигней Петрович.

Доктор скрылся за высокой дверью городской больницы. А князь Студенцов распряг лошадей, и отправился на рынок купить бричку. Ему ещё предстоял путь в столицу за мандаринами для Тимофея Мерзляка, и уж только потом в обратную дорогу. «Надо будет на обратном пути заехать в больницу, мальчугана, дровосека и доктора мандаринами угостить!» – подумал Трескун Морозович и ласково улыбнулся.

20 декабря

Иней Сугробович

Хотите верьте, хотите нет, но мало кто знает, что жили на земле волшебные существа – морозы. Люди могли видеть их только в канун Нового года, да и то, если забредут далеко на север, горемычные. А там такие холода, что мало, кто живым возвращался.

И жили морозы, как люди, в деревнях, городах и сёлах. И столица у них была, красивейший город с мощенными набережными, с мостами разводными и дворцами ледяными, с парками и аллеями снежных деревьев. Но сказ наш про пахаря, мороза богатыря. Звали его Иней Сугробович, и слава о его силушке на все земли русские разнеслась. Но то все небыль, а я вам быль расскажу, потому что родом богатырь из села Студенцы, а у меня оттуда знакомец. Так вот, Иней Сугробович дело своё знал хорошо, запрягал коня доброго в плуг тяжёлый и ворошил сугробы, иной раз по пояс закапывался. Вспахивал поле, засеивал семенами снежной пшеницей, вырастали колосья полные хлопьев снега, молотил зёрна в пушистую снежную муку и прямо с мельницы

односельчанам развозил. Прослышал про его силушку князь морозов русских, явился к Инею, позвал на службу к себе.

– Спасибо, князюшка, только ни за какие блага и почести не пойду к тебе! Ты только на мой снег полюбуйся, только им деревья посыпать можно, ведь как кружево! – Иней с любовью похлопал по мешку.

– Да, ну? Покажи! – не поверил князь.

Тогда Иней набрал полную грудь морозного воздуха и подул что было силы и вытряхнул в сторону леса мешок с крошечными снежными иголочками. В миг прикрепились они на ветвях-веточках, на стволах деревьев, на еловых иголочках, и весь лес словно серебром укутался. Ахнул князь, и за сердце схватился.

– Никогда не видел такой красоты!

– То-то же! – рассмеялся богатырь.

Каждое лето морозы и живность их снежная залегают в погребах или в колодцах глубоких в спячку, бывало кто и на полюс ездил, там говорят, целый год холодно. Вот и Иней Сугробович с конем своим любимым Бурушкой в избе ледяной уснул с приходом весны. А когда осенью при первых заморозках пробудился, глядь, а коня нет! А как без Бурушки снег пахать? Ни один морозный конь плуг его тяжелый и с места не сдвинет. Пригорюнился богатырь, но что делать, стал он односельчан спрашивать, не видел ли кто коня его – друга доброго. Никто ничего не видел, помочь ничем не мог. Только маленькая морозинка, дочурка кузнеца говорит, будто сон ей снился, шёл Бурушка грустный, плакал, и каждая его слезинка в снежинку оборачивалась, а где его копытце ступало земля льдом покрывалась. Присмотрелся Иней и, правда, видит ледяные следы от подков Бурушки. Тотчас собрал вещи в дорогу, взял ледяную булаву и по следам отправился, коня выручать из беды. А что Бурушка не по своей воле ушёл, так в этом мороз не сомневался.

В тот год поморы долго снега ждали, и инея на деревьях не было, реки не покрывались льдом, море не стыло. Ждали морозов, а их все не было, а все потому, что Иней тосковал по Бурушке, и никто без него с такой работой справиться не мог.

Долго ли коротко шёл по следам Бурушки Иней Сугробович, только дошёл до берега морского, морщит богатырь лоб, всматривается в землю, а нет следов. Где искать теперь друга парнокопытного? Как вспахать снежное поле? И время посевов уже на

исходе. Что делать? Решил заночевать Иней, где путь дорога его закончилась, а утром на свежую голову, глядишь и придёт какая мысль хорошая.

Спит богатырь, земля от храпа потрясывается. Волны от дыхания у берега застывают. Тучи на небе снег рассыпают. И вот слышит сквозь сон Иней Сугробович топот копыт, лошадиное ржание, проснулся, а перед ним снежная кобылица красоты невиданной, грива густая до самой земли, копыта серебряные, сама белая, а на спине нежно голубые узоры, как на окнах от мороза. Стучит кобылица копытом, искры взмываются в небо, от ржания туман на поле ложится, а бьет она хвостом, пурга начинается. Замело все вокруг, белым бело, снег сыплет, ветер свищет. И вдруг слышит Иней родное сопение. «Бурушка!» – закричал богатырь. Но разве конь его в такую метель услышит?

– Бурушка! Друг мой милый! Конь мой добрый! – заголосил Иней Сугробович, и стал на фыркание конское сквозь туман и метель пробираться, вот и очертания знакомые, вот и морда любимая! Обнял коня хозяин.

– Как же я рад, что ты жив и здоров. Уж грешил дурными мыслями, как бы не случилось с тобой беды. Ну, что дружок, идём домой, пахать пора и сеять!

Потянул за узду Иней, а конь и с места не сдвинулся. Понял тогда Сугробович, что Бурушка с кобылицей остаться хочет. Ну, что противится не стал, попрощался с любимцем и в обратный путь собрался. Но тут туман рассеялся, метели как не бывало, небо голубое ясное, поле белое чистое. Бурушка стоит, гордо выкатив мощную грудь вперёд, а рядом на земле кобылица лежит, а к вымени ее прильнули два жеребенка.

– Вот тебе раз, – развёл руками богатырь.

С тех пор Бурушка, кобылица и жеребята стали с Инеем жить, днём сугробы пахать, ночью по снежным степям и лесам скакать. Хозяйство у мороза разрослось, богатырь и сам начал о жениться подумывать. До чего отрадно смотреть, как ребята-жеребята растут! Своих хочется.

21 декабря

Холодильные игры

В стародавние времена север нашей планеты населяли волшебные существа – морозы! Походили они на людей, но, если присмотреться, и кожа блеее, и глаза синее, и одежда будто из искристого снега сшита умелыми мастерами. Существа эти были магической призрачной ледяной природы, ожившие, имеющие разум и чувства по какому-то совершенно необъяснимому волшебству.

На весь снежный мир славились ловкостью и скоростью русские и скандинавские морозы. И решили они как-то устроить состязание в ловкости и силе морозильной. И для этого в день зимнего солнцестояния устроили холодильные игры в Гренландии, куда отправили состязаться самых удалых морозов и морозинок. Ох, сколько в те дни собралось на острове морозов: спортсменов, судей, организаторов и болельщиков. Построили из ледяных глыб трибуны, стадионы и ледовые арены. Небывалое зрелище. Впервые в истории морозов.

Одно из самых любимых соревнований в морозной силе – «Поймать водопад». Когда спортсмен противостоит неудержимой силе падающей воды. В финал прошли два мороза норвежец Хал и русский Холод Сибирский. Хал встал перед высоким водопадом, широко расставив ноги, будто опершись в землю, и медленно стал поднимать руки вверх. Бурлящая пена застывала, и водовороты, падающей воды превращались в лёд. Но потоки свежей воды, продолжали падать и разбивать их на тысячу осколков. Сложность этого задания заключается в том, что заморозить водопад нужно ещё и очень быстро. Наконец, водопад остановился. Когда я вижу замёрзшие водопады, я ощущаю истинное волшебство, как если бы кто-то остановил время. Уверена, и вы бы не поскупились на щедрые аплодисменты для Хала. Из семи судей только двое подняли таблички с цифрой девять, все остальные поставили норвежцу максимальное число баллов – десять.

Спустя некоторое время в схватке стихий: холода и движения, победило второе, и водопад снова загремел, заклокотал, разбил лёд, и унёс осколки далеко вниз по течению. И тогда вышел второй претендент на звание «Крепчайший мороз мира» Холод Сибирский. Холод был коренастым, угрюмым морозом, как, впрочем, все выходцы из Сибири, с густой мужицкой бородой, широкими скулами, густыми бровями. Сибирский сплюнул на широкие мозолистые ладони, потер их друг об друга, замахнулся, как если бы собрался колоть топором дрова, и резко махнув, сцепленными в замок руками, громко

крикнул «Ха!». И только через мгновение зрители увидели, что водопад уже заледенел. Трибуны взорвались от криков и ликования. Судьи захлопали в ладоши, а затем единодушно подняли таблички с десятками. Победа в этом виде состязаний ушла в сборную русских морозов. Ура!

Следующая дисциплина холодильных игр – «Ловля снежинок». На поле размером сто на сто двадцать метров двенадцать участников с одинаковыми сачками в снегопад за пять минут должны поймать как можно больше снежинок. Снежинки, как правило не пересчитывают, а взвешивают сачок на очень точных весах. Фаворитами в этом виде спорта были брат и сестра из Норвегии Сно и Фла. Ловкие и быстрые морозы. Сно подвязывал длинные волосы веревкой в хвост на затылке, а Фла заплетала в две косы, украшенные многочисленными цветными лентами. Одеты они были в туники, окатнованные тонким белым мехом, перевязанные белыми поясами с красной вышивкой и широкие штаны. Они приковывали к себе внимание, и все зрители, зачарованно следили за их плавными грациозными движениями, напоминающие танец, высокие прыжки, и даже кувьрки в воздухе, заставляли болельщиков дружно вскрикивать. Россию представляли несколько спортсменов, но после предварительных этапов возглавила список лидеров Позёмка Белая. Морозинка предпочитала выступать в народном сарафане, широкого кроя, волосы подвязывала косынкой, собирала снег она у самой земли, это считалось сложной и опасной тактикой, потому что по правилам игры, строго запрещалось под угрозой дисквалификации, собирать снежинки с земли. Но Позёмка кружась, и приседая, ловила падающие кристаллы льда быстро и скоро, не касаясь поверхности.

И вот двенадцать финалистов с сачками и с номерами на костюмах, под веселую музыку вышли на поле. Зрители размахивали флагами, свистели, дудели, кричали и смеялись. Наконец, ведущий кратко представил арбитров, и на огромные снежные часы перевернулись. (Снежные часы, совершенный аналог песчаных, только, как вы уже и сами догадались, вместо песка, в них сухой снег. Заморачиваться морозам с температурой воздуха не приходится, игры проходили в разгар зимы, и столбик термометра не поднимался выше минус двадцати пяти градусов Цельсия.)

Зрители хором ахнули, когда шведский спортсмен нечаянно налетел на россиянина Вихря Морозца. Оба юноши упали, и потеряли ценные секунды. Теперь они наверняка

окажутся в самом низу таблицы. Неожиданно финская спортсменка Луммимерски вырвалась вперёд. Её техника самобытна и оригинальна: морозинка бегала по периметру поля, покачиваясь из стороны в сторону всем корпусом. И вот она набрала полный сачок снега, за несколько секунд до окончания времени, побив мировой рекорд в «Ловле снежинок». Удивительно! Тёмная лошадка, до финала, её результаты попадали лишь в нижнюю половину таблицы. Второе место заняла норвежка Фла, третье – Позёмка. Сно занял почетное четвёртое место.

Дорогие друзья. А теперь мы приглашаем Вас понаблюдать ещё одну любимую игру морозов – «Снежный кольф». В финал попали шведская и российская сборные.

На гладком, расчищенном от снега льду, начерчены краской игровые зоны, в каждой из десяти зон три небольших отверстия – проруби радиусом десять сантиметров. Именно в них и нужно двум командам из трёх морозов попасть снежком. Занимать игрок может только свободную зону. Если игрок пересек границу в занятую противником зону, раздавался свисток рефери и снежок вбрасывали снова на нейтральной зоне в виде круга в самом центре поля. С игроками своей команды можно строить стратегии и заранее придумывать, и отрабатывать рокировки. Головка – ударная изогнутая часть клюшки для кольфа в виде овального кольца, к ней привязана упругая ниточная сетка, именно ей спортсмены подхватывают снежок и перекидывают в лунку или напарнику. После упорной борьбы в трёх таймах с положенными тридцатью вбрасываниями, по пятнадцать подач у каждой команды, счёт был равным три – три. Тогда объявили серию буллитов. Каждый игрок из своей зоны с одного броска должен забросить снежок в дальнюю лунку. После трёх серий буллитов счёт по-прежнему был равным девять – девять. Зрители ликовали, напряжение достигло предела, ведь сейчас будут забрасывать до первого промаха. Промахнёшься – и противники победят! Справятся ли морозы с тяжестью ответственности? Капитан шведской команды Глассиера по жребию бьёт первым, снежок приземляется в паре сантиметров от лунки, кусочек откалывается скользит и падает в воду! Попал! Стадион взорвался от гулких оваций и свиста. Болельщики прыгают, волнуются, незабываемый шквал эмоций. Следующий бьёт русский спортсмен Мороз Крепчак, уверенно он взмахнул клюшкой, подхватил снежок и метким ударом запустил его ровно в цель. Снежок плюхнулся в воду, пустив брызги. Снова заснеженный остров накрыла волна ликований! Защитник шведской команды Стостом вышел на лёд, его

очередь бить. Руки мороза слегка тряслись от усталости и тревоги. Он примерился, взмахнул клюшкой, снежок подлетел и ... пролетел лунку! Ура!!! Победила Россия! Русские морозы пожалы соперникам руки, похлопали по плечу, поблагодарили за интересную равную игру.

Болельщики в слезах обнимались друг с другом, и неважно кто за кого болел – это общий праздник! Праздник азарта, морозной силы, выносливости и самообладания, торжество холода, зимы – день зимнего солнцестояния!

22 декабря

Февраил Гололёдович Зимов

Жили-были на самом северном севере морозы. Слабые и крепкие, знаменитые и неизвестные. Морозы были схожи с нами не только внешним видом: две руки, две ноги, туловище, голова, но и пытливостью ума, природным любопытством и высокими стремлениями. В те времена, в центре русского севера, коли такой имеется, стоял славный город морозов из льда и снега – Хладимир, Хладимирской губернии. И родился там прославившийся на весь морозный мир первооткрыватель Антарктиды Февраил Гололёдович Зимов. В юности перебрался он в Поморье, где увлекся мореплаванием. Морозы плавать не умели и остерегались ходить по морям, особенно боялись они тёплые течения. Но в морях Северного ледовитого океана отчаянные смельчаки вырубали в айсбергах нишу, ставили парус и бороздили по волнам. Морозы миролюбивый народ, никогда не ссорились между собой, не воевали с соседями, может нрав у них не такой вздорный (горячий), как у нас людей, а может мудрости и терпимости больше. Всегда они обдумывали хорошенько и разрешали конфликты мирно.

Но Февраил Гололёдович, одержимый духом первооткрывателя, плывал на льдине мимо скандинавских берегов, мимо Гренландии до берегов Аляски. Составлял карты, и писал заметки путешественника. А когда вернулся в родные края, решил собрать кругосветную экспедицию к южному полюсу. Ох, как спорили ученые и члены географического морозного общества в столице холодов и морозов Санкт-Леденбурге. Кто считал, задумку Зимова авантюрой, кто-то убеждал мореплавателя остаться, ибо это никому не нужный неоправданный риск, вся команда растает у экватора, так никогда его

не переплыв. Но нашлись и сторонники Февраила Гололёдовича, среди них был мороз старинного немецкого рода Фаддей Фаддеевич Беллинснегаузер. Он предположил, если править ледяной шлюп по холодным течениям, можно доплыть до южного полюса, и если повезет, они непременно найдут там новые земли!

В кругосветное путешествие было решено отправиться на трёхмачтовом ледяном шлюпе «Мирный Восток». (В отличие от британских шлюпов, которые известны нам, людям, никаких пушек там не было, и быть не могло и издали он больше напоминал гигантскую ледяную глыбу, чем корабль в нашем с вами представлении).

Знаком ли вам солёный вкус морских брызг, ветер, не знающий преград, разогнавшийся над океаном до сумасшедших скоростей, аромат приключения, и неудержимая тяга к открытиям! Увидеть новое, почувствовать впервые, чтобы это не было. Тогда вперёд, по волнам сквозь бури и штормы.

Проплывая тропический пояс, ледяной шлюп стал стремительно уменьшаться в размерах. Моряки от волнения и невероятного напряжения, не чувствуя боли, усталости и нестерпимый жар, отчаянно из всех сил волшебными силами охлаждали лёд, не давая ему таять. Фаддей Фаддеевич, набирал горячий, обжигающий легкие воздух, охлаждал его своей волей и морозной силой, дул резким северным ветром на паруса. И только мужество, и отвага моряков-морозов в короткие сроки помогла им перечь экватор. Вскоре атлантические воды заметно охладели, и на юге Аргентины мореплаватели решили причалить к пустынным берегам с небогатой растительностью и отдохнуть.

Февраил Гололёдович писал в бортовом журнале:

«Двадцать второе декабря 1820 года.

Гористая местность, свежий влажный воздух, такое чувство, что он густой, как туман и можно брать ложку и хлебать его, как нянюшкины щи. По песчаному берегу ходят смешные монохромные птицы. Длинное туловище, короткие ноги, они так потешно ходят друг за другом, что Фаддей Фаддеевич хохотал до вечера, на силу его успокоил. Летать эти птицы совершенно не умеют, а крылья больше напоминаю плавники. Да, птицы двигаются на суше крайне неуклюже, но в воде они быстры, как молнии. Удивительно! Отправляемся дальше на юг уже завтра утром. Ф.Г. Зимов»

Дальнейшее продвижение на юг не грозило опасностью для морозов. Воздух с каждым днем становился холоднее, в море уже плавали льдины, все больше и больше

пейзажи напоминали родные края. А спустя пару недель мореплаватели открыли шестой материк – Антарктиду.

– Кто бы мог подумать, Фаддей Фаддеевич, что на южном полюсе холоднее, чем на северном! – хохотал обезумевший от счастья, Февраил Гололёдович.

– Мечта! Мечта! Мой друг! – утирая скупую слезу, шептал компаньон.

Записал в дневник путешественника в тот день капитан морского судна «Мирный Восток» следующее: *«Всё здесь удивительно! Даже времена года тут противоположны привычному. Мы приплыли в разгар северной зимы, а попали в здешнее лето! Подразумеваю, здесь морозы могут не впадать в спячку, ибо температура воздуха в своём максимуме не превышает пяти градусов Цельсия. А значит, эти земли не просто пригодны для жизни, они истинный paradise – рай для морозов! Ф.Г. Зимов»*

Экспедиция Зимова и Беллинсгаузера завершилась успешно, шлюп «Мирный Восток» благополучно обплыл вокруг шестого материка. Моряки увеличили размер корабля местными льдами с запасом, и отправились в обратный путь. Чтобы все морозы узнали о их величайшем открытии.

23 декабря

Легенда о хозяйке Вершины мира

На горе, которую не перелететь птицам, на самой высокой вершине мира, между царством людей и богов, у ворот в небесный мир живет шестирукая богиня Джомолунгма. По легендам именно она решает, кто может вернуться к родным, кто навсегда останется на склоне в объятьях вечного холода, а кто попадёт в царство богов.

Самые высокие в мире горы, окружают жаркие тропики, но на вершине круглый год лежит снег, а многовековые льды там прочнее камней. Сейчас отважные смельчаки со всего мира приезжают покорить вершину, но уже очень давно никто не встречал там богиню.

Давным-давно в обитель снегов Джомолунгма проводила тысячелетия в одиночестве, и вот однажды к ней на вершину взобрался юноша. Трудно сказать какой это был век, какое у него было снаряжение, и какой разряд по альпинизму, скорее всего легенду выдумали позже, чем случилось нечто подобное. Джомолунгма, уже и забыла для

чего она стерегла врата в мир богов, и потеряла счёт времени, никогда не знала она никаких чувств, и была крайне удивлена появлению человека. Она с любопытством смотрела, как он радуется, что превозмог все трудности и покорил величайшую вершину мира. Юноша, достал из кармана цветной куртки яркую ленточку и подпер её камнем. Затем он развернулся и не обратив на богиню никакого внимания, поспешно устремился вниз. Через много человеческих лет, а Джомолунгма едва успела моргнуть, на её вершине появились еще двое. Как и в прошлый раз, люди очень радовались, излучая лучи безмерного счастья, от которых богиня испытывала странные ощущения. Но в этот раз она услышала молитву одного из них, обращённую к ней. Джомолунгма была довольна, и отпустила гостей с миром. Но с тех самых пор богиня забыла о покое, каждый год совершали восхождения добровольцы, и пусть многие из них так никогда и не спустились, их поток не иссекал. Поговаривали, что альпинисты и любители, отважившиеся на восхождение, по умолчанию подписывали договор с духом смерти, о том, что каждая ошибка в горах будет стоить им жизни.

Каждый раз люди, оставляли на вершине свои надежды, мысли о любимых и родных, обиды и несчастья, они несли их с собой и отдавали Джомолунгме. И наконец, богиня научилась любить! Да, любой новорожденный младенец безусловно любит свою мать с самого первого вздоха, а может и раньше, и все мы люди умеем любить родителей, братьев, сестер, родных и друзей, но богине, восседавшей на вершине мира в полном одиночестве вечность любовь была в новинку. Она хорошо понимала, что любовь приносит радость, но не догадывалась несмотря на свою глубокую мудрость о том, что любовь может причинять боль. Для шестируких богов Тибета, время живое, а они умеют беспрепятственно в нём перемещаться. Джомолунгма вернулась в тот день, когда впервые увидела человека, и полюбила его. Она подняла ленточку, которую он оставил, повязала её на запястье верхней правой руки, и покинув свой невидимый узорный трон на вершине отправилась за юношей. Но спустившись по отвесному склону на веревках, его путь лежал по хребту, и в этот момент сильный ветер подняв снежную бурю скрыл его из виду. Джомолунгме смерть была незнакома, неведома, она бесстрашно следовала за возлюбленным, и вскоре нашла его, обессиленным, упавшим и засыпанным снегом. Она подошла к нему, низко склонилась над его юным смелым лицом, он громко дышал. Его дыхание, казалось, громче всех лютых ветров. «Вставай!» – сказала Джомолунгма

прикоснувшись к его щеке. «Прекраснее тебя нет ничего на свете, я не жалею, что встреча с тобой стоила мне жизни!» – прохрипел юноша, и взгляд его заледенел навсегда. Безграничное счастье богини мгновенно сменилось нестерпимой болью. Все в её груди полыхало и превращалось в пепел, оставляя глубокую всепоглощающую пустоту. От горя Джомолунгма не могла найти себе места, и тогда она с помощью божественной силы решила оживить дух любимого. Так говорят, и появились самые первые морозы – волшебные существа так похожие на людей. Сама Джомолунгма осталась на вершине и спасала замерзшие человеческие души, даруя им иную жизнь.

Разлетелись морозы по планете и поселились в нетающих снегах и многовековых льдах, и лишь зимой покрывают морозы льдом реки, снегом землю, морозят людей, отступая при первом весеннем тепле, прячутся далеко на севере... или высоко в горах. Может это всё выдумки, а может вы и сами их встречали?

24 декабря
Зимушка Зима

Жили-были на севере России в городах изо льда и деревнях их снега русские морозы, большие и малые, крепкие и слабые. Морозы только с виду на людей похожи, как могло бы вам показать, и то, если вам довелось их увидеть, но плоть их из снега и льда, а появились они от неизвестного человеку волшебства и чуда.

Так вот, была в Архангелогородской губернии деревенька Холоденька, и жила там красавица, глаз не отвести, молодая морозинка Зимушка. Волосы густые белоснежные, глаза, как льдинки голубые, кожа блестит, как снег на солнышке, а голосок словно звон сосулек. Были у неё подруженьки морозинки тоже девицы добрые Метелица и Вьюга. Как-то раз перед Новым годом собрались девицы-морозинки гадать, ибо верили морозы, что под Новый год вылезает нечисть и призраки, а им будущее известно, и гадая на урожай, судьбу или любовь, можно у духов всё выведать.

Вот стемнело, полная желтая луна повисла над лесом, яркие звезды переливались серебристым светом, а пушистый снежок, что припорошил дорожки, искрился словно бриллиантовая крошка. По древним обычаям морозов идти следовало молча, Зимушка оглядывалась, как бы её никто не увидел. Девицы-морозинки условились встретиться у

колодца, босые, в ночных сорочках, волосы распущены. Насыпали они снега перед собой, выпустили петуха, (Метелюшка в мешке принесла). Затем девушки встали в круг, держась мизинцами стали нашептывать «Петушок, Петушок, ты скажи-ка, дружок! Кому пировать, а кому горевать?». Петушок отряхнулся, крыльями похлопал и к Зимушкиной горстке подошел поклевал.

– Тебе, Зимушка под венец в этом году, – засмеялась Вьюга.

– Не верю я! За кого? – в нашем селе из холостых Буран-гармонист, так он вроде по Метелюшке сохнет, и Болтун-Колотун тоже не мой женишок. – засмеялась Зимушка.

– Тсс, – приложила палец к губам Метелюшка. – Нельзя шуметь, нечисть распугаешь!

– А теперь подслушивать пойдем! – прошептала Вьюга.

«Подслушивание» тоже старинное гадание, морозинки подкрались к случайной избе и подслушивали.

– У меня бранятся, – грустно вздохнула Вьюга, – плохой знак.

– У меня молятся, – улыбнулась Метелюшка.

– А у меня детушкам колыбельную поют! – прошептала Зимушка.

Морозинки засмеялись! Ой, Зимушка, точно тебе в этот год замуж идти.

– Раз замуж, идти, хочется мне и суженного увидеть! – сказала Зимушка, и приподняв длинный подол белой сорочки, решительно направилась к бане.

– Ой, боюсь, я этого гадания. Когда нечистая сила в будущего супруга оборачивается! – бормотала Вьюга, – Что же тебе не терпится, придёт время узнаешь жениха!

– Это вам ясно, кто пришлёт сватов в ваши избы! А мне откуда суженного ждать?

В ледяной бане морозы ледяной водой омываются, ледяные печи топят, и звенят их тела от лютого холода, словно льдинки. Сели на дощатый пол морозинки, зажгли каждая по свече и в холодную водицу стали воск плавленный капать.

– Ой, у меня на сапожок похоже? Что это значит? – удивлялась Метелица.

– К путешествию, – догадалась Зимушка.

– А у меня собака какая-то, – неуверенно пробормотала Вьюга.

– Новый друг, – подмигнула Зимушка.

– А у тебя-то что? – почти хором спросили подружки.

– Кольцо, – растерялась Зимушка.

– Ну, всё доставай зеркала! Метелюшка. – Прошептала Вьюга.

Морозинка достала из сумы два ледяных зеркала, поставили девицы их друг против друга, и свечу между ними, получился в отражениях длинный коридор. Зимушка прерывистым голосом прошептала: «Суженный-суженный явись ко мне, к ужину!»

Некоторое время сидели морозинки, не разговаривая, боясь моргнуть, и от каждого шороха, вздрагивая. Пламя свечи освещало зеркала и бледные лица девушек, от неровного дыхания Зимушки огонь дрогнул, покачнулись тени, и в зеркале морозинка увидела призрак, от страха руки затряслись, и она выронила зеркало. Ледяное стекло упало и со громким звоном разбилось на тысячу кусочков. И тут Зимушка в каждом осколке увидела лицо юноши. Через мгновение в них снова было лишь отражение её испуганных глаз, но серебристые кудри и отрытая улыбка навсегда запали ей в душу.

– Ой, ну и разиня, же ты, Зимушка! – проворчала Метелюшка.

– Ага, напугала нас до смерти! – поддакнула Вьюга.

– Милые мои подруженьки, видела я суженного! Видела, мои хорошие, – поклялась Зимушка.

– Ох, вот и имя бы теперь узнать! – размечталась Зимушка.

– Да, какое имя? Я чуть не онемела от страха! Всё с меня хватит гаданий! – возмутилась Метелюшка.

– Да, сестрица моя названная, и я домой, – обняла Вьюга подружку, – Коли замужество тебе в этом году нагадали, так и ждать тебе жениха не долго! Идем спать, не то судьбу свою прогадаешь! Смела метлой осколки ледяные в угол, брызнула водицы, ладонью разгладила, вот и цело целёхонько зеркальце ледяное.

– Хорошо, мои миленькие! – согласилась Зимушка, взялись морозинки за руки и, смеясь, побежали по домам.

А спустя неделю, другую заехал на добром породистом коне в деревеньку Холодинку молодой офицер, сапоги со шпорами, сабля на поясе, кудри серебристые от ветра покачиваются, глаза словно небо ясное. Заприметил он девицу у колодца и кликнул её с молодецким присвистом.

– Милая девица, не угостишь ли водичкой колодезной?

Морозинка обернулась и, увидев морозца, выронила ковш.

– Извини, красавица, коль испугал, мимо вашей деревни еду, путь мой лежит в Студенцы, по делу служебному. А зовут меня Мороз, а тебя как звать, милая?

– Зимушка!

25 декабря

Акулина Федотовна

Давным-давно в Архангелогородской губернии, в поморском городке Онеге жила добрая девица Акулина. В шестнадцать лет осиротела и вела она одна хозяйство, в двадцать три вышла замуж за хорошего смелого удальца Степана Семёнова. Был Степан рыбаком, и спустя полгода после свадьбы случилась буря на море, потонул рыбак. Ох, как горевала Акулина, слезы не просыхали, бабы заботливо поучали: «Не гневи Бога, Акулина, заботься о себе, на сносях же!» И правда, родился вскоре у Акулины мальчик, мать нарекла сына Тимофеем. Ох, и не спокойный же был малый и день и ночь плакал. Носила его Акулина крепко прижав к груди, только на ее руках и спал младенец. Но стоило, ей перестать качать, или лечь, как малыш просыпался и голосил что есть мочи. Долгими ночами Акулине едва удавалось поспать, и то сидя. Через три месяца стала Акулинушка, как тень, с трудом различая время суток.

«Не иначе проклятье на ней!» – сплетничали соседки. Но не могла Акулина вынести плач ребенка, повязала платок, укутала в него сына и носила крошку под сердцем. Только рядом с матерью и спал Тимофейка. Вызвал барин Акулину в усадьбу и спрашивает: «Что это ты девка крепостная не ходишь барщину отрабатывать? Не прядешь? Не вышиваешь?» «Так ведь овдовела я, милый государь. Ребеночек маленький, одна я у него!» – оправдывалась молодая женщина. «Ты работу не пропускай! А иначе продам тебя или ребенка твоего! Что мне бездельников держать?!»

Что же делать? Наняла Акулина няньку соседку старуху сидеть с Тимофейкой, пока она барщину отрабатывает. А Петровна это жадная старуха была, и детей не жаловала. Уйдёт бывало Акулина, Тимошка надрывается, а Варвара, так старуху звали, давай на мальчика кричать: «Уймись, крикун!» Да, что толку? Младенцу всего четыре месяца от роду. И узнала как-то Варвара, что недалеко от их города есть деревня морозов,

по сказаниям Студенцами называют, и живут там в ледяных избах морозы молодые и старые. И видеть их люди могут только одну седмицу в году, перед самым Новым годом. И что ежели человеческого ребенка в ледяную колыбель положить то, даже самого буйного и беспокойного, уснет как ангел. И захотелось Варваре такую колыбель занять, ох и намаялась она с Акулининым Тимофеем.

Отправилась Варвара строго на Север и уже к концу дня, увидела ледяные избы, глазам своим не поверила, так терла кулаками. Но избы стоят, где стояли, и прошлась старуха по улицам. Улицы пустые, а дома из чистого льда да снега. Зашла в крайнюю избу, а там все убранство как у людей, только снежное. Глядь, и колыбель стоит. Взяла Варвара колыбель без спросу, а кого спрашивать не видать никого? Поставила на сани и в обратный путь.

Ничего Варвара говорить про колыбель Акулине не стала, ведь брала две медных монеты вместо одной, из-за того, что Тимошку на руках носить надобно, не лежит не спит, как другие дети. Вот ушла молодая мать на работу, и Варвара положила Тимошку с колыбель. И о чудо! Уснул сладким крепким сном мальчик. Тишина. К вечеру мать воротилась, старуха из ледяной колыбели мальчишку достает, а он не просыпается. Дышит тихо, спит крепко. Долго Акулина чуду поверить не могла, положила Тимофейку рядом, ей бы выспаться впервые за столько месяцев, а нет. Беспокоится материнское сердце, просыпается каждый час, прислушивается, дышит ли сынок? К утру Акулина сильно забеспокоилась. Пошла к Варваре и спрашивает: «Что ты с ним сделала, почему не просыпается ребёнок даже от голода?» Испугалась старуха, вдруг младенца невинного погубила, упала на колени и повинилась во всем. Хотела колыбель показать, но та растаяла в снях от тепла. Только лужа на полу.

Прижимает Акулина сыночка, а у него уже и руки холодные и ножки, укутала его потеплее и отправилась искать морозов, вдруг помогут чем. Ох не для человеческих детей те люльки, а для морозов только!

Заюлудилась в лесу Акулинушка, а Тимошка уже совсем побелел, губки голубые, заплакала тогда горько, и возжелала отдать все свое тепло, чтобы спасти сына. И свершилось настоящее чудо, только материнская любовь способна на такие чудеса. Стал Тимофейка дышать чаще, и вот уже глазки открыл, только Акулинушка в тот же миг

растаяла, словно туман на ветру разлетелась. «Я люблю тебя, Тимошенька» – улыбнулась она напоследок и исчезла.

Ох, не ведаю, что бы приключилось с мальчиком. Только нашел его в лесу бравый мороз Колотун Морозович. Взял с собой и как родного сына воспитал и вырастил в своей семье. Правда, что Тимошка навсегда немым сделался! И то счастье – никому из людей не удавалось после ледяной морозовой колыбели пробудиться.

Прозвали приемного сына морозы Тимофеем Мерзляком. Его имя Акулина на распашонке вышила, прозвище получил, потому что мёрз часто, а морозы волшебной снежной природы, никогда не мерзнут. Но и люди и дня с морозами не смогли бы прожить, на смерть бы замерзли. Вот такое чудо этот Тимофейка Мерзляк, а все оттого, что оберегала его могущественная сила материнской любви дважды. Ведь Акулине Федотовне дороже жизни он был, и приемная мать морозиха Холодина Степановна заботилась, ласкала, всем ледяным сердцем, как родного сына его любила.

26 декабря

Забавушка

Вы наверняка уже знаете морозов – волшебных существ, живущих в краях, где редко тает снег. Вот и на севере России в деревне Студенцы в ледяной избе жили-были муж с женой. Встретил красавец удалой Мороз девицу с белоснежной косой и большими голубыми глазами Зимушку и влюбился без памяти. Вскоре обвенчались молодые по всем морозным традициям и поселились в Студенцах. Месяц бежит за месяцем, год за годом, вот и Зимушка на сносях. Ждут молодые первенца.

Родилась здоровая крепкая девочка, назвали Забавушкой. Любуются на крошку, не нарадуются. На руках качают, колыбельные поют. Говорят холодные морозы, не проявляют никаких чувств, а всё же дети и у морозов дети – чистая любовь и безбрежная нежность.

Среди ночи проснулись матушка Зимушка и молодой отец Мороз от громко стука. Это соседка Старушка Хохотушка колотит дверь кулаком.

– Вставайте, вставайте, соседушки! Злой колдун Колотун доченьку вашу утащил.

Смотрят, и точно – колыбель пуста! Наскоро оделись, на улицу выбежали. Старушка вся в слезах.

– Ох, злой колдун похищает детей морозиков, и моего сыночка он утащил, сорок десятков уж с тех пор прошло, – всхлипнула старушка, – верхом на снежном коне, поскакал на восток. Торопитесь, а путь вам родительское чутьё укажет.

Зимушка лихо подскочила, перекинула ногу через седло, забыв про боль и усталость. И помчалась быстрее ветра спасать новорожденную дочь, супруг её следом еле поспекает.

Долго ли коротко скакали Мороз и Зимушка, только настигли волшебника у самого его логова: ледяной башни, окруженной непроходимым лабиринтом и снега и льда. Забежали морозы в лабиринт, и застыли от ужаса, во ледяных стенах были закованы морозы.

– Ах, не пройти нам через лабиринт, не найдём выход, только погибель нас ждёт, – прошептала Зимушка, но материнский сердце не знает страха, выхватив топор, ударила им по льду. Глубокая трещина пробежала по стене, но лёд всё ещё был крепок. Тогда Мороз взмахнул волшебным посохом, и полился в трещину голубой искрящийся свет, с хрустом и треском трещина стала разрастаться, и стены разрушились. Тогда морозы, закованные в них, издавав жалостный стон упали под обломками.

– Помоги им, – сказала Зимушка мужу, а сама, прихватив посох, побежала к входу в башню колдуна. Рухнули стены лабиринта, что преграждали ей путь.

Оказавшись внутри башни, Зимушка накнулась на винтовую лестницу, ведущую в обе стороны, и вверх, и вниз. Она внимательно пригляделась к ступеням, ища следы, но их нигде не было. Тогда взгляд её упал на стену, что-то ей подсказало, что она близка к разгадке. И правда, вскоре Зимушка нащупала в каменной кладке едва выпирающий камень. От нажатия на него стена перед морозинкой разошлась, и в центре башни она увидела двигающиеся тросы, и привязанные к ним грузы. Вдруг прямо перед ней появилась небольшая цилиндрическая кабинка, с узорной медной дверцей. Зимушка минуту стояла в нерешительности, но тут из глубины раздался приглушенный плач ребенка, и морозинка бросилась в кабинку, а тут и Мороз подоспел, не думая, заскочил вместе с ней.

– Успел! – обрадовался молодец и потянул за рычаг.

Каменная дверь тут же со скрежетом задвинулась на прежнее место, а кабинка, качнувшись в полумраке, начала опускаться. Коснувшись земли, кабинка встала.

– Как на дне колодца! – прошептала Зимушка.

Действительно, подземелье с мшистыми каменными стенами едва освещалось факелами. Углы исчезали в непроглядном мраке, и оттуда доносилось шуршание и мышинный писк. Зимушка поморщилась от кислого запаха плесени и помета летучих мышей.

– Огонь, – поёжившись морозинка, прижалась к мужу, ведь пламя является самым большим страхом морозов.

Туннель уходил в глубь, пока не упёрся в круглую дверь на тяжелых железных петлях. Мороз и Зимушка потянули за ручку, но дверь не поддавалась.

– Кажется, колдун, что похитил нашу дочь, хоть и знаком с магией холода, но человек. – прошептала Зимушка мужу.

Мороз подмигнул женошке, взмахнул посохом, и факелы как один погасли. Зимушка подула в замочную скважину, и дверь тот же мигновение покрылась инеем. Тогда Зимушка подула на дверь еще раз, и она покрылась толстым слоем льда. Тогда Мороз, плавно отодвинул женошку в сторонку, взмахнул посохом и дверь разлетелась на куски. Через дыру в стене морозы увидели просторный зал, пол и стены украшены белым мрамором. Зимушка сразу заметила покачивающиеся на деревянных поставках берестяные люльки.

– Ах, как же вы нашли меня! – проскрипел сутулый тощий старик в черном тулупе, – Вот уже сорок лет я ищу средство, чтобы создавать изо льда солдат без боли и жалости, но ни слезы, ни кровь морозов не годятся. Очень уж вы миролюбивые. Все мои чудовища начинают сажать цветы или лепить снеговиков. Одна надежда была на новорожденных морозиков. Вырастить я их хотел, как родных детей, жадными, эгоистичными, безжалостными и жесткими! Но, старость не радость, выследили! – вскричал старик, – Прибежали родители доченьку выручать!

Неожиданно колдун схватил факел и занес его над ближайшей люлькой! Мороз в ужасе замер.

– Не двигаться, иначе подожгу люльку и растает лялька, – колдун разразился в безудержном злорадном смехе.

Но Зимушка издала истошный вопль, от которого не только погас весь огонь в логове злодея, и мороз побежал по коже, а старик примерз к земле, и не мог пошевелиться. Мороз с Зимушкой осветили зал светом посоха, забрали Забавушку, и еще трех младенцев, что лежали в люльках, и поспешили к выходу.

А у входа в башню поджидали их, освободившиеся морозы и морозинки, которых в детстве похитил злодей. Кто помнил откуда он родом и имена родителей, кто забыл. Долгие годы замурованы были в льдах, несчастные создания. И был среди них добрый мороз самый старший, в лице его Мороз и Зимушка сразу узнали знакомые черты.

– Как зовут тебя? Уж не ты ли Старушки Хохотушки сын? – поразилась Зимушка.

– Зовут меня Мироном. Морозы добрые, колдун забрал меня в младенчестве, ни отца, ни матери не помню, – грустно вздохнул мороз.

– Подержи, – попросил Мороз и бережно передал Мируну крошечных морозиков, – Потом объясню, – крикнул он и побежал в башню.

Но вскоре он вновь появился в проеме, резко дыша и откашливаясь.

– Сварился, окаянный! Прыгнул в котёл с кипятком. Эх, не спросили, где он детей этих украл. Как теперь нам их родителей найти? – С нежностью Мороз посмотрел на спящих морозиков.

– Ох! И точно! Будем искать, разошлем письма, а пока у нас жить будут, – растеряно улыбнулась Зимушка, – будут у Забавушки сестрицы Снежана и Иринка.

– А мальчугана Иваном назовём, – предложил Мороз.

27 декабря

Холодина Степановна

Давным-давно на севере России жили волшебные существа – морозы. Были у них города и сёла, строили дома из снега и льда, пасли коров, пахали поля, вязали снежинки, плотничали и ковали, выдували стекло, словом, умели ровным счётом всё, что и люди в те времена. Славилась на весь морозный мир деревня Студенцы Архангелогородской губернии. Жил там кузнец Колотун Морозович с женой красавицей Холодиной Степановной, и было у них трое детей: Зазимок, Тимофей и дочурка Изморозь.

Холодина Степановна работала ключницей у князей Студенцовых, добрая морозиха, хозяйственная. На Новый год вся деревня, а иногда и из соседних приходили только, чтобы угощениями Холодины Степановны полакомиться. Пекла мастерица снежные пирожки пушистые, а в начинку песню или сказочку заворачивала. Как это песню в пирожок, удивитесь вы. И правильно сделаете, я ума не приложу, как это у неё получалось, только съев её чудесный пирожок мороз сразу петь начинал! Ох, а какие это были песни.

*Во поле сосулька стояла,
Во поле корявая стояла.
Люли-люли стояла,
Люли-люли стояла.*

Или бывало:

*Коляда! Коляда!
Подавай пирога,
Снежную лепёшку
Или каши плошку.*

*Коляда! Коляда!
Коляда пришла,
Коляда пришла,
Рождество принесла.*

А был у неё секрет, который только Холодина Степановна и знала. Случилось ей однажды двадцать седьмого декабря оказать в лесу. Собирала она еловую смолу, морозы всегда лечили теплуду холодной смолой. А за маленькими морозами всегда присмотр нужен, чуть оттепель, они без шарфов и шапок набегаются, и тут же сопли, кашель, горло болит. Только сынок у Холодины Степановны особенный был, тепла совсем не боялся, а в холода мёрз. Скрывала это от соседней морозиха, чтобы не пускали слухов, и не косились на Тимофейку. А ведь муж Холодины Степановны Колотун Морозович морозика в лесу

подобрал. Как кроха там оказался уму не постижимо. Только сердце материнское оно на любовь щедрое, и всякое дитя, как родное полюбить способно. Вот и рос Тимофей Мерзляк в семье кузнеца и не подозревая, что родился у другой матери.

Первое время морозик часто болел, и Холодина Степановна не отходила от его кровати, окружая больного заботой и лаской. Вскоре выяснилось, что морозик необыкновенно смыслённый, хоть и немой. И пошла взволнованная мать далеко в таёжную глушь к ведьме отшельнице за лекарством от немоты.

Долго ли коротко шла морозиха в снегоступах по глубоким сугробам, непроходимым лесам, пока не забрела в тёмную чащу, где высокие сосны растут так близко друг к другу, что солнечным лучам туда никак не попасть. Корявые острые ветки цеплялись за платок и юбку, порвали шаль и поцарапали щеку. И тут Холодина заприметила тонкую струю дыма, выходящую из кривой черной трубы, торчащую из сугроба, присмотрелась, увидела небольшую дверь в землянку. Решительно постучалась. Дверь со скрипом отворилась, комната была круглой, ледяная печь уходила в землю, сумрачный свет струился в небольшие круглые оконца, а в центре на кресле качалке сидела и прядла слепая старушка. Она была такая старая престарая, что Холодине Степановне показалось что сидит тут старуха с сотворения мира.

– Здравствуй, бабушка, – поклонилась в землю морозиха, – не нужна ли помощь?

– Здравствуй, здравствуй, уж не сама ли ты в помощи или совете нуждаешься? – переспросила ведьма скрипучим старческим голосом, – Проходи, присаживайся, – кивнула хозяйка на большой сундук.

Гостя послушно вошла в землянку, закрыв за собой дверь.

– Да, ишу я средство излечить сына своего от немоты, – тяжело вздохнув, призналась морозиха.

– Хорошо, поделюсь мудростью. Только и ты мне помоги, взбей мою перину, состриги шерсть с моих снежных овец, промой её, просуши, и расчеши гребнем.

Поблагодарила старушку морозиха и принялась за работу. Пыль вымела, печь вычистила, дров натаскала, растопила хорошенько. Перину вынесла, вбила пышнее облаков. Овцы ведьмы были особенными, паслись они только ночами и жевали призрачный лунный свет и блеск ярких звёзд, оттого над чащей всегда небо было чернее чёрного. Состригла шерсть, очистила её Холодина Степановна от иголок и шишек, от

веток и сухих листьев. Промыла в ледяной воде, высушила на свежем ветре в чистом поле, да на солнце, и вернувшись спустя три дня к землянке ведьмы попросила гребни шерсть чесать.

– Возьми в сундуке старый деревянный гребень, – прохрипела старуха.

Открыла сундук Холодина Степановна и ахнула, на дне сияли золотые монеты, но наполнен сундук был ледяными черепами. Не испугалась морозиха, мужественно отыскала среди черепов и золота гребешок и пошла чесать шерсть для пряжи.

Час чесала, два, вдруг откололся зубец у гребешка, и тут же перед Холодиной Степановной пронеслось видение, как женщина идет по лесу, прижимая к груди ребенка. Отряхнув дрему, продолжила морозиха работу. Но спустя час откололся второй зубчик у гребешка, и Холодина Степановна увидела, как женщина, упав в снег, укутала телом ребенка и испарилась. Только тут она узнала пуховый платок, в который был её Тимофейка завернут. Но очнувшись от видения, уставшая, изнеможённая Холодина усердно расчесывала остатки овечьей шерсти. И вот откололся третий зубец, и морозиха отчетливо увидела, как супруг её драгоценный наклоняется над ребенком и берёт его на руки.

– Работа сделана, бабушка, – прошептала Холодина, занося в дом мешки, забитые чистой расчёсанной шерстью.

– Спасибо, спасибо, помогла старухе, – уголки сморщенных губ дрогнули, ведьма попыталась улыбнуться, – Шерсть сложи в угол, а гребень не забудь вернуть в сундук.

Сердце у Холодины вздрогнуло от мысли о содержимом сундука, но она послушно подняла тяжелую крышку. Как же удивилась морозиха, увидев на дне сундука перламутровые жемчужины. Не задавая вопросов, Холодина Степановна положила в сундук гребешок, с изумлением заметив, что все зубцы на месте.

– Просьбу твою исполнить не в силах, – начала полушепотом ведьма, – ты и сама видела, что большое чудо и материнская любовь даровали жизнь твоему Тимофейке. Но за твою усердную работу хочется мне наградить тебя, и дарю тебе эту медную ложечку. Пустая забава, потешное волшебство в этой ложечке. Ежели коснётся оно еды, то съев её морозу петь захочется. Чуя я, что поможет оно тебе услышать Тимофея, но не знаю пока как. Возьми!

Старуха протянула костлявую морщинистую руку, разомкнула кулак, и Холодина увидела крохотную медную ложечку. Поблагодарила морозиха старуху и поспешила домой.

В Студенцах её не искали, ведь сказала Холодина, что отправилась к тетке в соседнюю деревню погостить. Вот вернулась домой, не нарядуется, приготовила в чугушке суп наваристый, кашу с маслицем. Стала пироги печь, а снежной пудрой посыпала пироги с медной ложечки. Как съели пирожки домочадцы, так и запели дружно, весело. Смотрит с надеждой на Тимошку матушка Холодина, а морозик только улыбается.

С тех пор и пошла слава снежных пирожков с песнями Холодины Степановны. И никто о волшебной ложечке и не догадывался. А однажды спустя несколько лет, ложечка потерялась. «Эх, неужто обронила в кузнице,» – вздыхала Холодина Степановна. Может и обронила, может и случайно, только попала ложечка в котел для плавки. Т именно из той меди Тимофей Мерзляк своё говорящее ведёрко и смастерил. Только это уже совсем другая сказочка.

28 декабря

Изморозь Колотуновна

Старушка из поморской деревни рассказывала, что однажды под Новый год в лесу видела странную девушку. Сначала бабушке показалось, что перед ней ледяная скульптура, но тут же поняла, что девушка из льда живая. Она улыбнулась старушке, и исчезла. Люди давно знают одного мороза, который приходит к детям в канун Нового года. Доброго волшебника Деда Мороза. Но были ли другие морозы? Конечно, были. Дед Мороз пару веков назад поселился с людьми в Великом Устюге, принял облик человеческий и от детской любви и радости обрел бессмертие. А раньше по всем северным землям строили города и сёла ледяные люди – морозы. Обладали они волшебными свойствами, умели охлаждать воздух дыханием. Они были миролюбивые и честные, никогда не воевали, не дрались, но и любить пылко не умели, хотя, конечно, симпатии испытывали, и влюблялись, и женились, и детей-морозиков заводили.

В Архангелогородской губернии в деревне Студенцы жил кузнец Колотун Морозович со своей семьёй: женой Холодиной Степановной, сыновьями – Замимком с

Тимофеейкой и красавицей доченькой Изморозью. Время шло, дети выросли, Тимофей овладел кузнечным мастерством, и даже превзошел своего отца, Зазимок же к дядьке родному в подмастерья устроился и стеклодувному делу обучился. Вот и младшая дочь Изморозь видной девицей морозинкой выросла. Статная, стройная, коса до пят, глаза будто звёзды горят, а душа у неё лежала к ткачеству. Часами сидела девица, аккуратно нитки в станке в узоры переплетала и ткала тончайшие ткани удивительной красоты. Но хотелось Изморози Колотуновне достичь в ткацком мастерстве совершенства. Как-то раз купцы из Китая, проезжая Студенцы по пути в столицу морозов Санкт-Леденбург, установили на центральной улице небольшую палатку. Разложили фарфоровые вазы, шёлковые ткани и посуду из бамбука. У палатки скопились все морозинки, проводили ладонью по шёлку и удивлялись его гладкой прохладе. Изморозь купила себе отрез на сарафан, и спросила купцов из чего китайские мастера сделали эту чудесную ткань. Как же удивилась морозинка, узнав, что нити для шёлка плетут гусеницы. Тут же закралась ей в голову смелая мысль.

Поймала Изморозь Колотуновна самое пышное облако, взбила его колотушкой, и до посинения пальцев скручивала его воздушные кудри в тончайшую нить. А после заперевшись на три засова в горнице, срезала свою длинную косу. Семь дней и семь ночей ткала Изморозь из нитей, из своих волос и лунного света, что тонкой нитью проникал в горницу через оконце. Заботливые родители оставляли еду у дверей, и спросив, все ли хорошо у дочери, дождавшись ответа, уходили. Наконец, необыкновенная серебристая ткань была готова. Как же удивилась морозинка, когда, приложив её к себе она не увидела своё отражение в зеркале.

– Ах! – восхитилась девушка: – сошью-ка я из неё себе забаву плащ невидимку! Так она и сделала.

– Готово! Готово! – смеясь, выбежала Изморозь из комнаты! Братья и родители хором ахнули, увидев её короткие волосы.

– Где твоя коса? – в ужасе, пролепетала Холодина Степановна.

– Ах, я и забыла про неё, – Изморозь растеряно, провела ладонью по волосам.

– Да, на дело пустила! Да ещё какое, – с живостью стала рассказывать про свою работу морозинка.

Теперь домочадцы удивились ещё больше. Потому что плащ и в правду оказался невидимкой. Накинув его искристой стороной сверху морозинка исчезала. Вот все смеялись!

Время шло, плащ лежал без дела, волосы у Изморози росли. И решила как-то морозинка сходить к людям, посмотреть полюбопытствовать, как они живут, что делают? Из чего одежду шьют, как детей растят. И накинув плащ невидимку отправилась Изморозь в человеческую деревню. Не знала, морозинка, что люди и без плаща морозов редко видят. На краю деревни мужичок колол дрова, остановилась возле него Изморозь, с детским любопытством рассматривая шапку ушанку из меха, розовое лицо с алым румянцем, никогда ещё морозинка не видела карих глаз, застыв от изумления зачаровано крутила головой зеркально повторяя движения человека. Мужичок же от близкого присутствия морозинки стал подмерзать, накинул тулуп и ожесточеннее принялся колоть дрова, чтоб согреться. Потом отбросив топор, согревал дыханием руки, и пустив пар в морозный воздух, вздрогнул. Потому что в искрящемся облачке пара мужичок отчетливо увидел лицо.

– Свят, свят! – закричал мужичок от испуга, перекрестился, споткнувшись, распинал паленья и побежал в избу.

Ошарашенная Изморозь наблюдала за человеком, боясь пошевелиться. Она попыталась заглянуть в окно, но стекло мгновенно покрылось льдом. Тогда морозинка прошла по деревне, издали видела в окнах людей в уютных горницах. От деревянных домов веяло уютом и теплом.

На обратном пути Изморозь встретила в лесу старушку. Глаза у бабушки увеличились, она пристально посмотрела на морозинку, и тут Изморозь поняла, что обронила плащ, а значит старая женщина её видит. Морозинка приветливо улыбнулась, обернувшись, сразу обнаружила пропажу. К счастью, плащ соскользнул с плеч в двух шагах от места встречи, и подхватив его с ветки кустарника, Изморозь накинула его и исчезла.

29 декабря

Бал маскарад у Студенцовых

Давным-давно север России населяли удивительные волшебные существа – морозы. Ежели бы оказались рядом с морозом, вы бы его и не увидели, но наверняка бы почувствовали, как стынет кровь в жилах, как щиплет нос и немеют пальцы. Ходят слухи, все же люди могут их увидеть под Новый год, очень морозы похожи на людей и живут, как мы, рождаются, растут, женятся, детей-морозиков растят, стареют и тают от старости. А вот веселье морозы не жалуют, но встречаются хоть и очень редко и среди морозов весельчаки и балагуры. Как-то раз в семейной усадьбе князей Студенцовых около деревушки Студенцы устроили господа неслыханное для морозов веселье – Новогодний бал маскарад! Пригласили всех знатных соседей и гостей из столицы. Больше всех радовалась и готовилась к празднику княжна Снегурочка – молодая впечатлительная девица на выданье. Матушка её племянница самого царя – Стужа Студёновна, как и положено особе высокого рода, была властной и строгой. В глубине души Стужа Студёновна опасалась и переживала за дочь, не пойдет ли она нравом в своего деда, отца княгини, который покинув морозов, поселился среди людей. Многие морозы людей недолюбливали, морозили их, враждовали. Но только отец Стужи Студёновны, брат самого царя призывал морозов положить конец вековой вражде, и отправился каждый год человеческих детей с Новым годом поздравлять. Дети его сразу полюбили, прозвали Святочным Дедом или Дедом Морозом, поселился он в большом тереме в Великом Устюге. Княгиня Студенцова сердилась на отца за его доброту, она полагала, что благородным морозам нужно холодно обращаться со всеми, не веселиться, не любить, не тревожить душу треволениями, и искренне негодовала, как же Дед Мороз не тает? А посему все тревоги княгини вылились на дочь Снегурочку, узнав, что у барышни появился тайный воздыхатель, который пишет ей любовные письма, матушка разъярилась не на шутку. И в тот же день было решено отправить в конце января княжну Снегурочку в Европу на обучение, там же ей уже приглядели «выгодную партию», как любила выражаться Стужа Студёновна. И столь желанный бал маскарад оказался прощальным для бедной Снегурочки. Ведь ни в какую Европу к выбранным за неё женихам ехать она не хотела, всем сердцем, любила она своего тайного поклонника, перечитывая его письма по сотне раз за день, и прятала их ото всех в самом укромном месте.

Долгожданный день настал, в особняке князей Студенцовых всё было готово к торжеству! В центре зала стояла высокая ель, яркая звезда касалась потолка. Ледяное дерево украшено серебристыми шарами, стеклянными и ледяными игрушками распушило иглы. Ледяной паркет натёрли до блеска, всюду мерцали гирлянды и искрились блёстки и мишура. Стол ломился от яств, а в центре возвышалась хрустальная ваза с китайскими золотыми яблоками – мандаринами. Аромат цитруса щекотал нос и наполнял души радостью. Княгиня Студенцова в нарядном туалете, сшитом по самым модным эскизам того времени, её массивную шею трижды обвивало длинное жемчужное ожерелье. Прическа уложена на манер французских королей с завитками и вплетёнными в волосы снежными розами. Снегурочка же предпочла нарядиться в сарафан, заплела длинную косу, надела кокошник.

– Что изволите, барыня, – подхватила под локоть матушку морозинка.

– Что? Снегурочка? Ах! Что за вкус! – вспрыснула руками Стужа Студёновна, – Снегурочка, тебя же в этом наряде от прислуги не отличить?

– Так и задумано, маменька, – звонко засмеялась княжна.

Княгине неодобрительно покачала головой.

– Хлад! Спускайся, – позвала младшего сына Стужа Студёновна, – гости подъезжают, встречать будем!

Наверху послышались торопливые шаги, и вскоре по лестнице спустился китайский мандарин, учёный муж Поднебесной. Хлад прижал ладони к груди и молча поклонился на восточный лад. Стужа Студёновна довольно улыбнулась.

Первыми прибыли Катковы всем семейством, затем шумная старушка графиня Льдова, затем Морозовы и Холоднюки. Гости прошли в зал, приглашённые музыканты заиграли вальс, и начались танцы. В перерыве между танцами гости играли в фанты, благородные девицы играли на рояле и пели ангельскими голосами. Только Снегурочка все ходила у дверей и поглядывала в окно? «Ну, где же он?» – думала она. «Неужели не придет?»

– Ваш пригласительный, сударь! – спросил дворецкий у молодого человека в скромной костюме почтальона.

Юный морозец протянул пригласительный, и дворецкий перед ним широко распахнул дверь, наклонился, жестом приглашая войти.

– Ну, наконец, Клим! – подхватила его за руку Снегурочка, – Как я рада, что ты пришёл! Вижу, фантазия у тебя бурная, если ты почтарь на маскарад в костюме почтаря пришёл, – улыбнулась Снегурочка. Она повязала на глаза Климу маску с перьями, – Последний штрих к вашему маскарадному костюму, сударь!

– Княжна, Снегурочка, мне с Вами нужно объясниться, – запинаясь, начал Клим.

Снегурочка кивком головы пригласила его на балкон, где было гораздо безлюднее и тише.

– Что ты сказал, Клим?

– Да, – смутившись начал Клим, – я получил телеграмму, Сударыня, вашей матушки, там говорится, что Вы уже после Рождества отправляетесь в Австрию.

– Ни за что! – топнула каблучком Снегурочка.

– Ваши родители уже все решили, – грустно вдохнул Клим.

– Убегу! Помнишь, Клим ты про Старца Святочного сказывал? Что помощники ему требуются? Ты вроде, как и сам к нему на службу хотел! – решительно начала Снегурочка.

– Да, конечно, я собираюсь к Деду Морозу, – надежда заискрилась в глазах морозца.

– Я девица-морозинка совершеннолетняя, и замуж за заморских принцев не желаю и не пойду! Тем более у меня уже есть возлюбленный, – Снегурочка потупила взгляд.

Кажется, Клим после этих слов разучился дышать, а потом, вспомнив, жадно набрал полную грудь воздуха, выпалил:

– Помните те письма, сударыня?

– Как же не помню – помню! Вот они, – Снегурочка достала из рукава небольшую стопку, перевязанных тонкой ниткой писем.

– Это я, – прошептал ошеломлённый почтарь.

– Я знала, – загадочно улыбнулась Снегурочка, – А теперь бежим!

Она взяла Клима за руку они дружно спрыгнули с балкона в большой пушистый сугроб.

30 декабря

Новогодняя ярмарка в Подземном городе

Жили-были на самом севере России матушки в деревушке с ледяными избами и снежными теремами морозы: большие и малые, крепкие и слабые. На самой окраине в добротном доме с коньком на торце охлупня в виде доброго жеребца с развивающейся гривой, с резным полотенцем и узорными наличниками на окнах, жили муж с женой: матушка Зима и батюшка Мороз, и было у них пятеро детей: Забавушка, Снежанушка, Иришка Холодрышка, Иван Буран и самый младший Тимошка Заморожка.

Пошла как-то Снежанушка в лес собрать свежего пушистого снега для перин и подушек, а вернулась с кошкой. Вот все удивились, потому что кошки у морозов не водились, а снежную кошку все видели впервые.

– Это Снежинка, кошка из подземного города, – представляла её родным Снежана, – можно она у нас будет жить!

Никто не возражал, братья и сестры окружили девочку-морозинку и давай кошечку гладить. Снежинка от удовольствия замурлыкала.

– А что едят снежные кошки? – спросила Забавушка.

– Молоко снежное, сливочки! А ещё моя Снежинка умеет разговаривать! – полупшепотом сказала Снежана.

– Выдумываешь ты всё! – не поверил Тимошка Заморожка!

– А вот и не выдумываю! Если хочешь, сам всё увидишь тридцатого декабря!

– А что тридцатого декабря? – хором спросили братья и сестры.

– Пойдем на новогоднюю ярмарку в Подземный город!

С трудом дождалась ребятня заветной даты. Наконец, утром тридцатого декабря собрали они мешочек с едой, отпросились у родителей на весь день и отправились в лес. Долго плутала Снежана, отыскивая нужный сугроб. Наконец, Снежинка спрыгнула с рук и подвела детей к входу в подземный город в тридевятое царство Вечную мерзлоту.

– Прыгаем в сугроб по очереди, я первая, – скомандовала Снежана, – Ой! Совсем забыла вас предупредить в Подземном городе все ходят с кошками на голове.

– Что? – не понял Иванушка.

– Ха-ха! Не может быть! – засмеялся Тимошка.

– Ты посмейся, посмейся, потому что в Вечной мерзлоте нельзя шуметь! – сообщила девочка.

Снежинка мяукнула, и нырнула в сугроб.

– Давай, Забавушка, ты первая! Прыгай.

Забавушка прыгнула в сугроб и тут же исчезла в его пушистой белизне!

– Ого! – удивился Иванушка Буранушка.

– А я вам что говорила! – торжествовала Снежана.

– Можно я следующий? – попросил Иван.

– Прыгай!

Иван отошел шагов пять назад, разбежался, поджал ноги и прыгнул, придерживая шапку ушанку рукой.

– Страшно, – Иришка Холодрышка прижалась к сестрице, – давайте вместе прыгнем!

– Не бойся, это весело! – успокаивала её Снежана, – В подземном городе живут морозы-гномы, и поэтому входы у них узкие, только дети пройти могут и то по одному, – растолковала сестра.

Иришка осторожно подпрыгнула, вскрикнула и исчезла в белом снежном пуху.

– Теперь ты, Тимошенька! А я следом! – подбодрила братца девочка.

Тимошка обнял сестру, закрыл руками глаза и прыгнул. Снежана нырнула в сугроб следом.

«У-ху! Как будто с горки ледяной катишься! И не страшно совсем,» – подумала девочка морозинка. А когда приземлилась то увидела сестриц своих милых и братьев посадивших на голову котов и кошек, с трудом сдерживающие смех.

– Снежана! Снежана! Зря мы тебе не верили! И кошки разговаривают, и на головах сидят, и город под землей, здесь все как ты рассказывала! – бросился к сестре Иванушка.

– А откуда у вас коты и кошки?

– Снежинка для нас друзей позвала, – объяснила Забавушка.

– Знакомься, Пушок, Снежок, Искорка и Звёздочка, – назвала всех кошек по именам Иришка.

– Здравствуйте, – поклонилась Снежана.

– Здравствуй, – проурчали коты хором. Снежок умывался, старательно облизывал лапу и тёр за ухом.

– Давно не ходил в город, одичал. Мя-яу! – сказал он.

– А где Снежинка? – Оглянулась девочка в поисках любимицы.

– Я тут! Ох, и отвыкла же я на голове сидеть, но сегодня большой праздник, можно и потерпеть, – снежная кошка вальяжно обошла девочку и по шубке вскарабкалась на плечо, а потом забралась и на шапку.

Тут внимательный читатель спросит, а почему морозы в шапках ходили, им же никакие холода не страшны! А потому, что мамы им велют! Ведь шапки голову в холоде держат, от тепла берегут! Всё у морозов наоборот! Но шапки все носят! Все родителей слушаются.

Дети молча прошли по туннелю и, наконец, вышли на главную площадь. Дети с удивлением разглядывали дома, улочки, мостики, украшенные к празднику витрины магазинов, ратушу и ледяную колокольню.

– Да, не вертите так головами, так и упасть можно! – возмутились снежные коты и кошки на их головах.

Прохожие сначала разглядывали гостей с недоумением, но после дети растворились в толпе.

– Держитесь вместе. Что бы не потеряться! – Снежана схватила Тимошку и Иришку за руки. Вдоль улицы горожане расставили цветные палатки, на столах возвышались горками орехи, яблоки в карамели, и прочие угощения, которые дети видели впервые. На других были разложены тряпичные куклы, деревянные лошадки, глиняные игрушки-свистульки. У детей глаза разбегались от разнообразия. Вдруг заиграла нежная музыка, и на главную улицы выехали сани, запряженные снежными пони. В санях гномы-музыканты играли на арфах, удивительная мелодичная музыка разлилась по площади. Крошечные серебряные бубенчики в упряжке звенели. И вдруг к изумлению Снежаны и её спутников все кошки запели. Они пели тонкими голосами, слаженными хором, ничего подобного дети и представить не могли. Тимошка Заморожка даже присвистнул. Сани проехали вдоль улицы и исчезли за поворотом, музыка и кошачьи песни уносились за ней следом.

– Я и не знала, что вы умеете так красиво петь, – восторгалась Забавушка, обращаясь к котам.

– Снежинка, а почему, ты в Студенцах никогда не пела? – спросила у кошечки Иришка.

– Во-первых, вдохновения не было, а во-вторых, мы поем по праздникам и все вместе, – с важностью ответила та.

Уличное шествие продолжила процессия кошек, к каждой был привязан небольшой воздушный шар, из корзины выглядывал улыбающийся гном. Гномы с воздушных шаров разбрасывал на гуляющих разноцветное сверкающее конфетти, улыбались и бросали в толпу сладкие подарки на маленьких парашютах, те кружась, медленно опускались точно в протянутые руки.

– Ура! Поймал! – обрадовался Иван Буран.

– Что там? – заглядывая за плечо спросила Забавушка.

Иван, не торопясь отвязал от бумажного пакетика парашют, аккуратно сложил его и положил в карман. В пакете дети обнаружили имбирные пряники. Ароматные и нежные они таяли во рту. Ощущение волшебного праздника и неудержимой радости завладело детьми, и они веселись, потеряв счёт времени. Завершающим ярмарку зрелищем было световое представление. Разноцветные лучи пронзали воздух, сочетаясь в картины. Морозики впервые увидели летний зеленый луг с множеством цветов, порхающих бабочек, слышали трель соловья, и многоголосье лесного птичьего хора. И когда огни погасли, гномы стали расходиться, дети вдруг вспомнили, что им давно пора домой.

– Ох, и накажут папенька с маменькой, – досадовал Иванушка.

– Но такой красоты мы никогда не видели! Простят. – успокаивала Иришка.

– Нет, зря мы правды не сказали, волнуются же, переживают, нельзя так!

– Как же нам домой поскорее попасть!?! – спросила у снежных кошек Снежана.

– Я знаю дорогу, когда Снежинка ушла с тобой в Студенцы, мы скучали по ней, и нашли заброшенный туннель прямо до Студенцов, – сказал Снежок.

– Скорей, что же мы ждем. Прыгай, показывай дорогу!

Добежав до тупика, дети заметили лестницу, ведущую вверх. Можете представить, как удивились дети, когда, приподняв дощатый люк они оказались за печкой в собственном амбаре.

- Не может быть! – закричала от удивления Забавушка.
- Может-может, это, наверное, наш Старичок Домовичок устроил, чтобы скорее к родных навещать. – угадал Тимошка Заморожка.
- Вышли дети из сарая, а там день.
- Нас всего пять часов не было! – посчитал Иванушка.
- Вбежали дети в дом счастливые веселые, бросились ошарашенных родителей обнимать!
- С наступающим Новым годом! – поздравляли они друг друга.

31

Дед Мороз

Когда-то давным-давно наши предки древние славяне боялись злого Духа – Мороза Трескуна, приносили ему жертвы и устраивали обряды. Но теперь каждый малыш знает и любит доброго Дедушку Мороза. Как же так случилось?

Поговаривают, что раньше морозов было много, и жили они по всем северным землям. Морозы волшебные существа, сила их от холода и снега. Правда, в старину морозы враждовали с людьми, но Святочный Старец положил ей конец. А от добра и детской любви обрёл старец бессмертие и безмерную волшебную силу. Имя, данное ему от рождения, он давно позабыл, а ведь был он царевичем всех русских морозов. Покинул он морозов и отправился к людям, поселился в Великом Устюге, стал готовить подарки для соседских детей. Долго он тосковал по жене своей и дочери Стужушке, но обе они знать его не хотели. Слава о добром Морозе быстро разнеслась по всей губернии, стали детишки письма старцу слать, чтобы непременно их в Новый год навестил. Никак не справлялся Мороз.

– Здравствуй, Святочный Старец! Я Клим Холодцов почтарь, принес тебе и от морозиков письма!

– Ох, неужто! И морозики про меня знают! – обрадовался Дед.

– Ещё как! Весь год хорошо ведут, родителей слушают, чтобы ты к ним в Новогоднюю ночь зашел и угощение под елкой оставил!

Клим скинул мешок с плеча.

– Ох, как много! Не успеваю, помощники, мне нужны! Ой, как нужны! Поступай ко мне на службу почтарь Клим Холодцов, будешь за сообщения с морозиками отвечать, может и подарки им мастерить сможешь. Один не справляюсь.

– Я с радостью, Дед Мороз. Только дело у меня осталось, как завершу, примчусь! – заверил волшебника Клим.

– Вот молодец! Спасибо! Буду ждать! Может ещё добровольцы будут? Поищи поспрашивай, главное морозы нужны сильные, которые от радости и веселья, и от чувств трепетных не растают, а только крепче станут! Человечнее, – улыбнулся дедушка в длинную бороду.

И сдержал обещание Клим, сам вернулся и помощницу привел.

– Здравствуй, Святочный Старец. Как поживаешь? Нужна тебе помощница? – весело спросила красивая девица-морозинка.

– Очень! Очень помощники нужны, канун Нового года, а я никак не успеваю. Как звать тебя, девица? Чьих будешь?

– Зовут меня Снегурочка, матушка моя Стужа Студёновна, в девичестве Морозова, бабушка мороз Трескун Студенцов.

Дед Мороз за сердце схватился, слезы потекли у него по щекам. Снегурочка с Климом переглядываются, понять ничего не могут. Наконец, Мороз утер рукавом слёзы и вымолвил:

– Внушенька, моя, милая Снегурочка! Дедушка я твой родной, Стужи Студёновны отец!

Вот тут очередь Снегурочки и Клина пришла удивляться. И давай все обниматься, и плакать от радости, только спохватились вовремя, на праздник Деду отправляться пора, детей поздравлять! Клим тройку в сани запряг, Снегурочка подарки помогла упаковать, в мешок сложить. Наконец, когда всё было готово, Дед Мороз, облегченно выдохнул.

– Вот так счастье! Не могу с тобой внушенька ни на минуту расстаться, долго я жил без родных, поехали со мной на праздник детей поздравлять будем.

– Ой, а я поздравлять то и не умею!

– Я научу, – ласково улыбнулся Мороз, и подвинулся, и ты Климущка в сани садишь, вместе поедem!

Приехала Морозовская тройка в центр города к большой украшенной ели, вокруг шумная толпа ребятни, поют, танцуют, никто не мерзнет! Всем весело!

– Дед Мороз! Дед Мороз! – закричали дети.

– Здравствуйте, детишки, девчонки и мальчишки! В этот году пришел я к вам не один, а с внучкой своей, Снегурочкой!

– Снегурочка! Снегурочка! – закричала ребятня, и запрыгало от счастья у Снегурочки сердечко, и появился румянец на щеках, и порозовела кожа. Стала наша морозинка настоящей девушкой. Вот так чудо!

– С Новым Годом! – пропела Снегурочка, смотрит, молодец рядом стоит, улыбается, это же Клим, сердцу милый друг, тоже человеком стал.

По секрету вам расскажу, ждать долго не стали, в Новогоднюю ночь и обвенчались молодые.

*Совет да любовь!
Свекла да морковь!
Кто женился в Новый Год,
Очень весело живёт!*

*Тут и сказочкам – конец!
А кто слушал, молодец.
С Новым Годом!*

20 января 2021

